

Ольга Карпович

Семейная тайна

*Несчастный случай собрал
всю разрозненную семью вместе,
и тогда из глубин прошлого
начали всплывать ужасные тайны.*

Ольга Юрьевна Карпович Семейная тайна (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165677
Семейная тайна: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83874-5

Аннотация

Александра уже давно жила в Америке. Успешная, холодная молодая женщина полностью посвятила себя карьере. В их семье вообще не было теплых отношений. Родители и дети жили независимо друг от друга и виделись очень редко. Но несчастный случай собрал всю разрозненную семью вместе, и тогда из глубин прошлого начали всплывать ужасные тайны. И одна из них полностью перевернула жизнь Александры, разбив с таким трудом наращиваемую ледяную броню...

Содержание

Дела семейные	5
1	5
2	19
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Карпович

Семейная тайна

© Карпович О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2015

Дела семейные Роман

1

В окно кабинета директора «Центра реабилитации и восстановительной медицины “Владимирское”» лезли лохматые ветки цветущей сирени. Задиристые воробьи, как видно, не поделившие что-то, метались туда-сюда среди пышных сиреневых соцветий, дрались и отчаянно верещали.

Воронцов Алексей Михайлович, рассеянно глядя на разорвавшихся птиц, сидел за столом, прижав к уху телефонную трубку, и напряженно слушал бубнивший оттуда монотонный голос.

– В связи с низкой окупаемостью санатория было решено пересмотреть... – бормотал безликие казенные фразы чиновник из Минздрава. – Встал вопрос о соответствии сегодняшним директором занимаемой должности...

– Ты мне, голубчик, всю эту тряхомудию не втюхивай, – не выдержав, взревел Алексей Михайлович. – Прямо скажи: что, захотел новый начальник своего человека на мое место посадить, а?

Дышать было трудно...

Грудную клетку словно сдавило стальным обручем, и директор продолжал говорить, с трудом вытаскивая слова из пересохшего горла.

Кровь прилила к щекам, голову нещадно ломило, но остановиться, отдышаться не было сил.

– Я тридцать лет на этом месте, как приговоренный... А этот там... новая метла по новому метет... слышать ничего не желаю... по собственному желанию... пусть, если такой прыткий, жопу от стула оторвет, сам приедет и вышвырнет меня, как щенка... мать вашу...

Воронцов бросил трубку на рычаг, лихорадочно потер ладонями виски, взрывающиеся от пульсирующей боли.

В голове металась отрывочные мысли: «Андрея позвать... Комиссию надо... Здесь же все моим трудом, вся моя жизнь... Пусть приедут с проверкой, отчет составят...»

Он снова схватился за телефонную трубку, прорычал ответившей секретарше:

– Надя, Андрей Палыча ко мне, быстро!

Голова становилась все тяжелее, сердце уже колотилось, как будто внутри черепа.

Алексей Михайлович тяжело поднялся из-за стола, ухватился пальцами за столешницу, усилием воли удерживая проваливающееся сознание.

В дверь кабинета коротко стукнули, на пороге появился главврач санатория Новиков Андрей Павлович. Воронцов попытался сделать шаг навстречу, но ноги словно провалились в вязкую трясику. Из горла вырвалось хриплое сдавленное бульканье...

Главврач едва успел подхватить тяжело повалившегося навзничь директора Воронцова.

* * *

Заседание по делу Маккинстри назначено было на девять утра.

Александра Воронцова еще раз просмотрела все документы, над которыми работала последние два месяца. Бумаги толстыми стопками возвышались на столе, путались, рассы-

пались и грозили погрести под собой всю полированную столешницу. К счастью, лишних предметов, которым могли бы угрожать разросшиеся бумажные завалы, у Александры на столе не водилось – ни фотографий близких, ни памятных безделушек.

Александра в который раз перебрала подготовленные бумаги, отложила те, которые необходимо было представить коллегам на совещании, затем заглянула в ноутбук, проверяя, работает ли подготовленная ею презентация.

Все было в порядке.

До заседания оставалось еще пять минут, и Александра, приучившая себя тратить время рационально, отодвинулась в высоком крутящемся кресле от стола, встала и подошла к окну.

Между белыми пластиковыми полосами жалюзи можно было рассмотреть открывавшийся за стеклом солнечный пейзаж.

Утренний Чикаго. Город, который последние двадцать лет miss Vorontsov считала своим домом.

Офис располагался на двадцать втором этаже, и белые, влажно набухшие, подсвеченные розовыми утренними лучами солнца облака висели, казалось, прямо напротив окна, едва не цепляясь краями за крыши соседних, круто уходящих в небо многоэтажек. Далеко внизу можно было увидеть ухоженную изумрудную зелень парка, а чуть правее – чуть подернутую мурашками прозрачную воду залива...

Александра рассматривала открывавшийся за окном живописный вид вовсе не ради эстетического удовольствия. Последние несколько месяцев, посвященные делу Маккинстри, ей приходилось работать по четырнадцать, а то и шестнадцать часов в сутки. И глаза, никогда не подводившие ее раньше, вдруг начали сдавать из-за постоянного напряжения.

Вероятно, сказывался возраст. В сорок три проводить многочасовые бдения за компьютером оказалось несколько сложнее, чем в тридцать три. К концу трудового дня глаза начинали слезиться, а черные буквы на экране или на бумаге – расплываться и расползаться. А значит – трудоспособность резко падала, с чем она никак не могла смириться.

Нужно было что-то делать, чтобы собственное тело, которое Александра всю жизнь считала не более чем оболочкой для мозга, больше не подводило. И Воронцова теперь старалась каждую свободную минуту давать глазам отдых, чтобы не допустить появления этих неудобных симптомов и унижительного чувства беспомощности, которое они влекли за собой.

Однако на этот раз ей не удалось уделить разглядыванию пейзажа за окном все оставшиеся у нее пять минут: в дверь осторожно постучали, и в кабинет просунулась голова Карен.

Двадцатитрехлетняя стажерка, которую взяли в фирму около полугода назад, последние два месяца исполняла функции личного помощника Александры. Девушка она была толковая и сообразительная, но, как вынуждена была отметить Воронцова, не слишком серьезная. По мнению Александры, девчонка слишком мало уделяла внимания работе и слишком много хихикала, чтобы рассчитывать на серьезную карьеру. Да и строгие белые блузки – принятый в офисе дресс-код – вечно сидели на ней как-то криво.

Карен остановилась у противоположного конца стола Александры, уцепилась кончиками пальцев за край столешницы и, опустив дерзкие, всегда веселые карие глаза, заговорила:

– Мисс Воронцов, я хотела бы вас попросить. Не могли бы вы отпустить меня пораньше в эту пятницу? Дело в том, что мы с друзьями...

Александра, слушая ее, собирала нужные для совещания бумаги в прозрачную папку.

Многословные объяснения Карен были ей вовсе не интересны. Она и так поняла, что девушка с компанией приятелей собирается провести выходные на каком-то музыкальном

фестивале, где они, разумеется, будут слишком много пить, возможно, курить марихуану и заниматься беспорядочным сексом.

Как проводит Карен свое нерабочее время, конечно, Александры не касалось, но поощрять подобного рода развлечения в рабочее время она не собиралась.

– Карен, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Вы прекрасно знаете, как мы сейчас загружены в связи с делом Маккинстри...

– Но, мисс Сандра... – умоляюще затянула де-вушка.

Александра поморщилась.

Она терпеть не могла, когда ее имя пытались сократить подобным образом. Алекс – еще куда ни шло, но жеманное и кокетливое «Сандра»?!

В любом случае выслушивать причитания Карен у нее сейчас не было ни времени, ни желания, хотя будь у нее и то и другое – на ее решение это все равно бы не повлияло.

– Карен, давайте договоримся на будущее, – с обманчивой мягкостью в голосе произнесла Александра. – Вас не волнуют мои проблемы, а меня не будут волновать ваши. О'к? Пойдемте, сейчас начнется совещание.

И, не обращая больше на девушку внимания, Александра, подхватив со стола папку с бумагами и ноутбук, вышла из кабинета.

Совещание прошло отлично.

Они с коллегами обсудили все, что было сделано по делу Маккинстри за последнее время. Александра собрала документы, включила звук на мобильном, который отключала на время встречи, – и телефон тут же взорвался звонком. Александра удивленно подняла брови, увидев высветившийся на экране номер.

Звонила мать – и это само по себе было удивительно.

Ее отношения с родителями, жившими в России, поддерживались парой дежурных звонков по скайпу в месяц. Звонок в неурочное время означал, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Воронцова поднесла трубку к уху и услышала:

– Сашенька, дочка...

В груди тотчас же возникло неприятное тревожное ощущение.

Мать не была щедра на ласковые обращения, и вместе с неурочным звонком это означало, что случилось что-то совсем плохое.

– Я слушаю, мама, – ответила она, с усилием заставляя себя переключиться на русский язык.

Мать лепетала бессвязно, перемежая речь всхлипываниями и причитаниями:

– Я столько пережила, столько выстрадала. Ах, Сашенька, папа... Эти проклятые министерские крысы... Новый человек в Минздраве, конечно, захотел продвинуть своего. А отец, он столько сделал для этого санатория! И теперь... инсульт...

– Мама, успокойся, – твердо прервала ее Александра. – Я ничего не понимаю. Что с отцом?

В конце концов ей удалось выяснить: у отца на работе возникли проблемы, и он, перенервничав, свалился с инсультом. Сейчас отец находился в бессознательном состоянии, прогнозы лечащих врачей были неутешительными.

Мать рыдала и требовала, чтобы Сашенька прилетела прощаться, потому что папы со дня на день не станет.

– Ох, я не могу больше, – всхлипывала мать. – Я забрала его домой из больницы. Здесь уход, сиделки, и я сама с медицинским образованием. Но это такой ужас, Саша. У меня сердце разрывается.

– Хорошо, – коротко произнесла Александра. – Хорошо, я приеду.

Она дала отбой и несколько минут, нахмурившись, невидяще смотрела на собственное размытое отражение в полированной поверхности овального стола для переговоров.

Первым и самым стойким поселившимся в ней чувством было раздражение.

Все случившееся было совершенно не ко времени, ей сейчас нельзя было улетать в Россию, у нее столько работы...

И мать, с ее бессвязным бормотанием, ничего толком не объяснила о состоянии отца, лишь жаловалась на то, как измучилась и издергалась. Затем пришел страх.

Переехав в Америку, она виделась с родителями довольно редко, но они оставались в сознании чем-то неизменным, постоянным. Не испытывая особой потребности к сближению, Александра знала тем не менее, что где-то там, на другом конце мира, они живут, общаются с другими своими детьми и внуками, работают. Отец, Алексей Михайлович, – вечно деятельный, вспыльчивый и суровый, – как всегда, муштрует своих подчиненных. Мать, Лидия Сергеевна, вылизывает дом, готовит свои разносолы и со стоической слабой усмешкой сетует на то, как тяжело ей приходится «с Алешей»...

Случившееся разом расшатало привычную картину мира, сделало все вокруг зыбким и неверным.

Неужели отец действительно может умереть?!

Этот вечный оплот стабильности и порядка в окружающем мире?

Но как же... Как?

Александра сцепила руки в замок, до боли сжала пальцы.

Ладно!

У нее сейчас нет времени на экзистенциальный ужас.

Ей нужно заказать билет на самолет, объяснить с партнерами, перераспределить часть работы, которую она собиралась сделать в ближайшие дни, на подчиненных. Кажется, Карен придется отказаться от поездки на музыкальный фестиваль и провести выходные в офисе. Черт, девчонка еще решит, что она придумала это нарочно...

Александра хмыкнула и через силу усмехнулась. Затем встала из-за стола.

Нужно было еще многое успеть.

* * *

– Почему он вообще не в больнице? – спросила Ася.

Она подтянула колени к груди, обхватила их руками и поставила босые пятки на нагретое солнцем сиденье автомобиля.

За окном машины уже вечерело. Конечно, было еще светло – июнь все-таки, солнце не сядет раньше одиннадцати. Но лучи его были уже мягкими, нежаркими, отливали оранжево-розовым в окнах многоэтажек. Длинные белые многоподъездные дома словно грелись в остывающих солнечных лучах. Разнокалиберные автомобили, которыми был запружен проспект, то и дело сворачивали во дворы – добропорядочные семьянины возвращались домой с работы.

Скука.

– М-м? Почему он дома, а не в больнице, если ему совсем плохо? – повторила Ася и обернулась к отцу.

Тот ловко выкрутил руль, перестраиваясь в другой ряд, и посмотрел на нее поверх модных солнечных – очков.

– Потому что мамуля – твоя бабушка – считает, что если у него и есть шанс выжить, то только дома, в обществе любимой семьи. Спорное утверждение, конечно. Но твоя бабушка – упорная, как пионер-герой, и готова превратить собственную спальню в больничную палату,

перетащив половину персонала санатория к себе домой, если ей уж взбрело в голову, что это лучшая идея.

Ася задумчиво потерла пальцами царапину на коленке. Отросшая русая челка свесилась со лба прямо на глаза.

– Думаешь, он поправится? Дедушка?..

Отец дернул плечами, снова выкрутил руль, обругав походя какого-то подрезавшего его лихача.

– Откуда мне знать, я же не врач... Наш непревзойденный эскулап Новиков говорит, что шансов мало.

– Тебе его совсем не жаль? – хмуро спросила Ася, все так же разглядывая собственную коленку.

– Что? – вскинулся отец и провел растопыренной пятерней по темным волосам, топорщившимся на макушке.

Ася знала: он всегда так делает, когда говорит не то, что думает.

– Нет, что ты несешь! Конечно, мне его жаль, это же мой отец.

– Ой, да ладно! – хмыкнула Ася. – Я никому не скажу.

Отец снова обернулся к ней, уголки его длинного рта слегка дрогнули в усмешке:

– Аська, ты уже слишком взрослая, чтобы нести без разбору все, что в голову взбредет.

Учти это, когда мы будем у деда, ладно?

– Ладно, – бросила Ася.

– И сядь нормально: впереди гаишник, – добавил отец, снова отворачиваясь к дороге.

Автомобиль свернул с проспекта в один из переулков и притормозил у аптеки.

Ася хорошо знала это место.

После развода родителей она осталась жить с матерью, но той по работе часто приходилось отбывать в длительные командировки. И тогда Ася отправлялась «погостить» к отцу. Отец же, работа которого была связана с разъездами по Москве, часто таскал ее за собой.

Почему бы ему было просто не оставить ее в своей квартире – Ася не понимала. Подозревала, что тому просто скучно колесить целый день туда-сюда в одиночестве и возит он ее за собой вместо радио, чтобы было с кем потрепаться по дороге.

В последние годы, после того, как прогорел очередной сверхгениальный изобретенный отцом бизнес, дед пристроил его по знакомству в главный офис большой сети московских аптек – заниматься поставками медицинских препаратов. По долгу новой службы отцу нужно было развозить по аптекам коробки с лекарствами, сверять накладные, отслеживать: имеется ли необходимое количество лекарств на складе.

Честно сказать, Ася удивлялась, как отец при своей безалаберности и несобранности умудрялся с этим управляться. Случалось, он срывался посреди ночи, вспомнив вдруг, что оставил где-то документы, или не распорядился, чтобы со склада отгрузили еще две коробки одноразовых шприцов, или попросту забыл одну из коробок в багажнике машины.

Да что там – ей самой, во время их совместных рейдов, временами случалось напоминать отцу о чем-то, что он забыл сделать, подбирать со стойки оставленные им бумаги, ключи или кошелек.

Правда, в конце концов, прощелкав все дедлайны и получив нагоняй от начальства, он все-таки выкруливал из ситуации с успехом.

Ну, значит, таков уж был его стиль работы.

Отец заглушил мотор и обернулся к Асе:

– Посидишь минутку? Я сейчас.

Он вышел из машины и направился ко входу в аптеку.

Ася лениво наблюдала за ним, снова задрала колени к подбородку.

Отцу было уже тридцать восемь – по мнению пятнадцатилетней Аси, возраст не то чтобы преклонный, но уж точно не юношеский. Тем не менее Макс, как он предпочитал себя называть, умудрялся достаточно успешно косить под такого вечного подростка. Среднего роста, стройный и подвижный, с выбритыми висками и подчеркнуто небрежно топорщившимися на макушке длинными темными прядями, в искусно потертых джинсах, мягких замшевых мокасинах и с накрученным вокруг шеи, несмотря на жару, шарфом, – отец и в движениях отличался какой-то мальчишеской ловкостью, расслабленной ленивой грацией. Так что, в общем, было неудивительно, почему на него вечно западали девушки лет на десять младше.

Асю эта неистребимая юность отца раздражала почти так же сильно, как и его желание быть для нее приятелем, своим в доску парнем. Ей все время казалось, что все это его якобы понимание ее подростковых проблем – неискренне, наигранно и имеет целью втереться в доверие, выведать побольше, чтобы потом сдать с потрохами строгой мамочке.

Так было не всегда.

Ася порой сама удивлялась, почему весь мир, еще пару лет назад казавшийся простым и понятным, доброжелательным и интересным, однажды вдруг превратился для нее во вражескую территорию, на которой нужно держать ухо востро и не щелкать клювом.

Почему так происходит?

Почему еще вчера все было так просто и естественно, а потом ты вдруг словно снимаешь розовые очки и начинаешь видеть повсюду ложь, неискренность, ханжество и мещанство? Неужели к пятнадцати годам у человека отрастает наблюдательность? Ты вдруг начинаешь замечать, что мама, всегда внушавшая тебе: отца нужно уважать и слушаться, несмотря на их развод, в разговорах с подругой зовет его не иначе, как «этот ублюдок Воронцов»? Или она же, всегда внушавшая тебе всю эту добропорядочную бредятину про «умри, но не давай поцелуя без любви», начинает вдруг таскаться на свидания с омерзительным толстосумом Ломовым, у которого пальцы вечно жирные и лоснящиеся, словно он ковырялся ими в банке шпрот.

А мама говорит тебе с надрывом:

– Ты не понимаешь... Я так устала, я не ломовая лошадь, чтобы тянуть тебя одна. Я просто хочу немного стабильности, немного покоя.

Почему отец, вечно трывдящий о том, как он понимает Асю и что для него нет ничего в жизни дороже дочери, вечно оставляет ее в машине – в духоте, по три часа любезничая в аптеке с фармацевтками, которые на него облизываются.

Зачем он вот сейчас тащит ее к деду? Ведь бабушка сказала, что он без сознания, умирает...

Господи, что, если он умрет прямо при них, прямо когда она будет с ним в комнате!

Она же немедленно, в одну секунду сойдет с ума от ужаса.

А отец об этом совершенно не думает, ему хочется только показать всей семейке, какой он положительный, примерный семьянин, заботливый отец. Чтобы его перестали, наконец, считать безнадежным придурком, вечно прощелкивающим все на свете.

Вот сейчас он явится туда и будет изображать безутешность, как будто и не флиртовал с гребаной аптекаршей еще час назад, нисколько не переживая за умирающего отца.

Как будто бы и не называл деда за глаза старым маразматиком.

А ей, Асе, дед всегда нравился.

Нравилось, как он сердито жует кончик папиросы – кто вообще сейчас курит папиросы, кроме ее деда? Как он называет ее стрекозой, быстро целует в висок, обдавая запахом табачища и какого-то древнего одеколona. Даже то, как он, разбушевавшись, сдвигает кустистые седые брови и орет на домашних, – нравилось. По крайней мере, это было чест-

нее вечного благообразного притворства, которое выдавали остальные окружавшие ее родственники.

А теперь он болен, наверно, через пару дней его не станет.

И это так страшно, что впору заорать что есть сил и убежать к черту на кулички. А придется еще делать понимающее лицо, выслушивать фальшивые причитания и «держаться молодцом».

Омерзительно!

И вся эта ложь, вся эта фальшь – повсюду.

Весь этот идиотский взрослый мир ею пропитан до самых корней.

Так всегда было, она просто раньше этого не замечала? Или все действительно испортилось, как только она повзрослела?

И эти уроды еще осмеливаются что-то ей внушать, воспитывать! На себя бы посмотрели, честное слово.

Неужели они думают, она и в самом деле хочет прожить свою единственную неповторимую жизнь так же, как и они? То есть попросту спустить ее в канализационную трубу, погрязнув в этом болоте вечной лжи, притворства и алчности?

Нет уж, не дождетесь!

* * *

Самолет оторвался от взлетной полосы и начал набирать высоту. Александра сняла туфли и вытянула вперед ноги. Она не успела переодеться, заехала домой лишь на минуту, побросала в чемодан минимум необходимых вещей – и сразу выехала в аэропорт. Строгий брючный костюм, в котором она утром выехала в офис, совсем не годился для длительного перелета, сидеть в узких брюках и пиджаке было крайне неудобно. Что ж, по крайней мере, хорошо, что она летит бизнес-классом и может вытянуть вперед ноги, не упираясь коленями в переднее сиденье, что при ее высоком росте уже было большой удачей.

Александра откинула голову на подлокотник и прикрыла глаза.

В гудящей после суматошного дня беготни голове словно бы спорили два голоса. Один, настроенный скептически, твердил, что все это – бред и абсурд. Мать всегда склонна была драматизировать события: к тому моменту, когда Александра доберется до дома, отец наверняка уже будет ходить и отчитывать жену за паникерство. Другой голос, тревожный, осторожно замечал, что отец и в самом деле может умереть. Он человек, он смертен, каким бы странным это ни казалось его ребенку.

И что тогда будет? Что будет с ней?

Они не слишком часто виделись с отцом, но не видеть его вообще, когда бы то ни было...

А что станет с матерью? Каково это – потерять человека, с которым ты прожила почти всю жизнь? Что чувствуешь, когда машинально, по привычке, наливаешь утром две кружки кофе и лишь затем вспоминаешь, что вторая теперь не нужна?

Ей, Александре, никогда этого не узнать.

К счастью.

Отец... Высокий и широкоплечий, с жесткими темными волосами, топорщившимися даже после самой короткой стрижки, властный и жесткий, но кристально честный человек, работоспособный до одержимости. Когда он шел по коридору вверенного ему санатория, санитарки бледнели и принимались заново драить и без того блестящие полы, зная, что любая халатность рискует обернуться грозой со стороны директора.

Подчиненные трепетали перед ним и в то же время считали огромной удачей получить место под его началом.

Потому что всем известно было: своему делу Воронцов предан фанатично, плохих сотрудников не держит, а за хороших стоит горой, прикрывая их, если нужно, от министерских интриг, выбивая премии и повышения. В девяностые, например, когда вся страна трещала по швам и рушилась на глазах, отцу удалось каким-то образом сохранить санаторий (на месте которого новоявленные олигархи уже готовились построить элитный развлекательный комплекс), частично перевести его на самоокупаемость и добиться такого уровня оказываемых медицинских услуг, что многие российские артисты и политики, ранее предпочитавшие получать медицинскую помощь в Штатах или в Израиле, теперь направлялись поправить здоровье именно к нему, в отремонтированные и оснащенные самым современным оборудованием корпуса в Серебряном Бору.

Алексей Михайлович Воронцов...

Александра была похожа на него. По крайней мере, так ей говорили с самого детства.

Раннее утро, морозные узоры на подсвеченных зимним солнцем окнах, голосащее в кухне радио, колючее коричневое школьное форменное платье и «крылышки» черного фартука, так и норвящие съехать по плечам вниз...

И мать, продираясь щеткой через ее спутанные жесткие каштановые волосы, вздыхает, округлив пухлые губы:

– Ох, как жаль, что Сашенька не унаследовала мои волосы. Чистый репейник! Вся в тебя, Алеша.

И маленькая Саша, задрвав подбородок, смотрит в зеркало и видит мать – очень красивую, всю мягкую и плавную, с покатыми плечами, подчеркнутыми серебристым шелком халата, с умелыми, нежными, всегда пахнущими кремом руками, с пышной золотисто-пшеничной короной чуть вьющихся волос на голове. И себя – унылого галчонка с круглыми, вечно какими-то испуганными настороженными темными глазами, маленьким треугольным ртом и жесткими темными волосами, торчащими во все стороны, которые мать – безуспешно пытается пригладить.

«Мама красивая, – думает она, чуть жмурясь от боли, когда жесткая щетка снова и снова вгрызается в ее волосы. – А я... Я похожа на папу».

«Ты у меня умница! У тебя такая светлая голова! Тебе нужно учиться, заниматься делом, а это все – тряпки, побрякушки – оставь маме», – говорил отец, подразумевая, что красавицей – всего лишь красавицей – в семье была мать. Ей же, Саше, досталось кое-что куда более полезное, по его мнению, чем женственность и красота: острый ум, работоспособность, фанатичная преданность своему делу. На этом ей, по мнению отца, и следовало сосредоточить свое внимание, а не терзаться пустыми попытками превратить себя в томную красавицу – под стать матери. Мать же была явно попросту разочарована «неудачной» внешностью дочери и вскоре вовсе оставила попытки превратить долговязое существо с тощими, по-журавлиному длинными ногами в миленькую девочку в голубых бантах.

Через много лет, когда родилась сестра Вероника, как раз таки унаследовавшая пшеничные мягкие локоны и голубые глаза матери, Лидия Сергеевна обрушила все свое нерасстраченное желание наряжать, украшать и заплетать на нее...

Теперь, после многих лет жизни за границей, отдельно от родителей, после многочасовых сеансов у психотерапевта, которые покрывала, к счастью, ее рабочая страховка, Александра не могла бы сказать, что ее детство было каким-то уж выдающимся несчастливym.

Нормальное детство среднестатистического советского ребенка.

Даже, пожалуй, выше среднего.

Ведь далеко не у каждого советского ребенка отец был главврачом, а затем – и директором крупного санатория, расположенного в Серебряном Бору. Не каждый советский ребенок жил вместе с родителями в том же Серебряном Бору, в большом светлом деревянном

доме, выстроенном когда-то еще дедом, возглавлявшим санаторий до самой пенсии – только тогда он уступил место своему ставленнику и зятю в одном – лице.

Не каждого ребенка привозила и увозила из школы белая «Волга».

А что касается всего остального...

Что ж, Александра могла признаться, в детстве она немного завидовала школьной подруге Динке Романовой, отец которой вечерами бывал дома и увлеченно строил вместе с ними железную дорогу из щепочек и мотка проволоки. Представить себе ее собственного отца находящимся дома раньше девяти вечера, а уж тем более – лежащим животом на ковре и, сосредоточенно нахмурившись, прилаживавшим друг к другу детали хлипкой конструкции было практически невероятно!

Впрочем, игрушечная железная дорога у нее была – настоящая, немецкая, с миниатюрными рельсами, вагончиками, станциями и мостами.

Только вот играть в нее было решительно не с кем...

Нет, изредка отец, кажется, вспоминал, что жизнь его не ограничивается санаторием, и пытался уделять внимание семье.

Но оканчивалось это каждый раз провалом.

Резкий, жесткий, несдержанный, откровенный до обидного, отец, кажется, просто не умел расслабляться и позволять себе развлечения. Поход в парк аттракционов каждый раз заканчивался тем, что он начинал маяться от безделья, раздражаться, отчитывать Сашу за легкомыслие и желание крутиться на каруселях, в то время как дома осталось еще невыученное домашнее задание. И Саша и в самом деле начинала чувствовать себя никчемной бездельницей...

Мать всякий раз, когда норов отца прорывался наружу, начинала поджимать губы, подносить к краешкам глаз аккуратный отглаженный платочек и говорить глубоким, подрагивающим от сдерживаемых слез грудным голосом:

– Ах, Саша, зачем ты только уговорила отца пойти с нами в парк... Он так занят, так устает на работе. Ты же знаешь, как его это раздражает! А достается всегда мне...

И к осознанию собственной никчемности подключалось еще и чувство вины перед матерью.

В конце концов Саша окончательно поняла, что гораздо лучше, когда родители попросту тебя не замечают, погрузившись в собственные дела, чем когда они честно пытаются проявлять внимание и разделять твои интересы.

Впрочем, с другой стороны, отец всегда гордился ее успехами и, расписываясь в дневнике за неизменно отличное окончание учебного года, смотрел тепло и с гордостью и быстро целовал дочь в макушку.

А когда она в семнадцать лет вдруг проявила характер и категорически заявила отцу, что поступать будет не в медицинский, а в МГУ, на юридический, отец, разумеется, рвал и метал, гремел проклятьями на весь дом, стучал кулаком по столу, но в темных глазах его Саша видела невольное восхищение ее внезапно проснувшейся целеустремленностью и непреклонностью.

Мать после этого неделю еще пила остро вонявшие на весь дом сердечные капли и влажно вздыхала:

– Эта мерзавка своим упрямством едва не довела отца до сердечного приступа!..

Потом были студенческие годы.

Учеба, учеба, учеба. Лекции, конспекты, экзамены.

Однокурсники в целом относились к ней ровно. Ну, как же – Саша Воронцова, синий чулок и всезнайка, у которой всегда можно стрелкнуть конспект или списать на контрольной! И ей не приходило в голову опровергать такое мнение о себе. Александра давно сми-

рилась с мыслью, что женское глупое кокетство, свидания и романтические прогулки – это все не про нее. Ей некогда да и незачем этим интересоваться. Она некрасива и неинтересна: скрутить непослушные темные волосы на затылке тугой аптечной резинкой, чтоб не мешались, наглухо застегнуть клетчатую мальчишескую рубашку – и зубрить до потери сознания гражданское право.

Если вдруг кто-то из однокурсниц случайно говорил, что, мол, завидует Сашкиной стройной фигуре, или отмечал проходя, что черты лица у нее – резкие, холодные и горделивые, как у Марлен Дитрих, если бы только Дитрих была брюнеткой, Александра пропускала это мимо ушей.

Так было до тех пор, пока не случилось...

Нет, об этом она вспоминать сейчас не будет.

Случилось то, что случилось.

Ерунда, глупость, неопытность. Проклятая женская сущность проснулась не к месту и не ко времени, а Саша, обескураженная этим неожиданным пробуждением, совершенно растерялась на время и чуть не натворила глупостей...

Она тогда заканчивала институт, и впереди маячила возможность завершить образование в Америке. Небывалая удача, еще пять лет назад казавшаяся чем-то из области сказок, а теперь, в начале девяностых, ставшая все еще удивительной, невообразимой, но реальностью.

Она чуть было не упустила ее тогда, как последняя дура.

По счастью, она давно перестала сомневаться в правильности своего тогдашнего выбора.

Разумеется, она все сделала правильно, и ее карьера только подтверждает это.

Конечно, в первое время приходилось тяжело – снова учеба, теперь уже на чужом языке, в чужой стране. Затем – работа иногда по четырнадцать часов в день, чтобы удержаться, чтобы доказать всем, кто считал ее чужой, эмигранткой, вторым сортом, что она может не хуже, чем они, коренное население благословенной Америки, а даже лучше!

И она доказывала – каждый день, каждую минуту, – добивалась, поднималась по ступенькам карьерной лестницы, иногда едва не грохаясь в обморок от усталости, зеленея от недосыпа.

И доказала, и смогла.

Пять лет назад она стала партнером в крупнейшей адвокатской фирме в Чикаго. У нее собственная, до неприличия огромная квартира, вылизанная услужливой домработницей до стерильной чистоты – впрочем, особенно стараться ей не приходится, ведь Александра так мало времени проводит дома, что просто не успевает, при всем желании, что-то испачкать.

Теперь уже никто не осмеливается смотреть на нее снисходительно, к ее мнению прислушиваются, у нее просят совета, а ее зарплата исчисляется пятизначными цифрами...

Подумать только, что от всего этого она едва не отказалась тогда!

Кем бы она была сейчас?

Смешно даже представить.

Она – уверенная в себе, самостоятельная, независимая бизнесвумен. Воплощенная американская мечта. Двигается вперед – и берет, что хочет, не раздумывая, не отравляя свое существование бесполезными рефлексиями и переживаниями.

Мужчины? Ну, разумеется, она же вполне здоровая женщина со здоровыми желаниями. Да, у нее было несколько романов, ни к чему не обязывающих, не мешающих работе. Идеальные отношения двоих взрослых людей, ценящих свою свободу и свое время.

Сантименты – это не для нее. У нее нет на них ни времени, ни желания. К счастью, ей всякий раз удавалось достаточно доходчиво объяснить это потенциальным соискателям

ее расположения в самом начале отношений. Ни разу больше она не позволила себе потерять голову – как тогда, во время этой постыдной истории, о которой она предпочитает не вспоминать.

И сейчас не будет.

Это всего лишь разыгравшаяся от неизбежной встречи с родиной нервозность.

Нужно было принять валиум перед полетом.

Самолет уже шел на посадку.

Обернувшись к иллюминатору, Александра рассмотрела сквозь стекло серую, испещренную отметками, нанесенными белой краской, гладь взлетного поля. Вдалеке, за границами аэропорта, виднелась скудная запыленная зелень подмосковного лета. А впереди маячили бетонно-стеклянные коробки терминалов аэропорта.

Еще несколько минут – и шасси коснется посадочной полосы.

Затем паспортный контроль, багаж, такси...

Осталось совсем немного – и она вновь увидит старый родительский дом.

Добротный деревянный дом, выкрашенный светло-голубой краской, застекленную террасу, в мелких стеклах которой пляшут и подмигивают солнечные зайчики, круглый балкон в торце второго этажа, с которого так весело было когда-то пускать мыльные пузыри, возя размокшим концом трубочки из газетного листа по куску мыла...

Две сосны, уходящие верхушками в небо, лохматые пионы – материнское увлечение, – наполняющие весь двор глубоким приторным запахом, старые полусгнившие качели в кустах смородины...

Ерунда! Чушь!

У нее нет времени на ностальгические переживания.

Александра нахмурилась и сцепила пальцы в замок. Что ж, она будет надеяться, что эта поездка не займет много времени. Что отец за день-два придет в себя, состояние стабилизируется, и она сможет улететь отсюда.

Домой.

* * *

Отец все не возвращался.

Ася покрутилась на сиденье, вытащила из бардачка отцовские сигареты, закурила, поглядывая на выход из аптеки.

Не то что отец стал бы пилить ее за курение... Скорее, наоборот, – он же так гордится своей продвинутой. Именно поэтому ей и не хотелось курить при нем. Незачем добавлять еще одну деталь в эту нарисованную им идиллическую картинку – «мы с дочкой закадычные кореша».

Ася докурила, выбросила окурочек из окна, еще немного поглазела по сторонам. Затем протянула руку назад, нашарила кожаный рюкзачок и вытащила из него смартфон. Перевернувшись на сиденье, выставила из окна босые ступни с выкрашенными ярко-зеленым лаком ногтями, сфотографировала телефоном собственные торчащие из окна ноги на фоне вывески аптеки и запостила фотографию в инстаграм, подписав: «День. Улица. Фонарь. Аптека».

Нет, это, в конце концов, уже просто хамство!

Сколько она может здесь сидеть в ожидании? Может, отец попросту забыл о ней? Может, он уже там развлекается с этой своей очередной пассией где-нибудь в подсобке?..

Ася сунула ноги в сандалии и вышла из машины.

Если Макс о ней забыл – что ж, она напомнит! Пусть пеняет на себя, если она обломает ему весь кайф...

Она прошла мимо застекленных аптечных витрин, из которых счастливо скалилось идеальное блондинистое семейство, рекламируя почему-то таблетки от запора. Остановилась на секунду, чтобы оценить мелькнувшее в витрине собственное нечеткое отражение.

Из-за стекла на нее взирала хмурая девчонка в джинсовых шортах. Модная стрижка успела довольно сильно отрасти – светло-русые, выстриженные лестницами пряди спускались вокруг лица вниз, к шее, косая челка, если не откидывать ее назад, так и норвила закрыть собой левый глаз. Светло-зеленые глаза казались в пыльной витрине темнее, какими-то более драматичными, что ли...

Ася щелкнула собственного стеклянного двойника по вздернутому носу, прошла дальше и потянула на себя тяжелую дверь.

В помещении аптеки царила кондиционированная прохлада, пахло анисовой микстурой от кашля – та еще дрянь, Асю, с ее вечными бронхитами, постоянно пичкали ею в детстве.

По стенам в застекленных шкафчиках выстроились нарядные яркие упаковки, пузырьки и тюбики. Та самая фармацевтша, за которой, как Ася знала, приударял отец, как ни странно, одиноко скучала за стойкой. На ее красно-рыжих завитых мелким бесом волосах топорщилась синяя медицинская шапочка. Губы, пухлые, бледные и влажно-блестящие, похожи были на два только что выловленных из кастрюли вареника.

– Привет! – кивнула ей Ася. – А где отец?

– «Здравствуйте» вообще-то, – процедила фармацевтша, а затем указала кивком головы на дверь, ведущую в помещения для персонала. – С директором разговаривает. Чё-то там по документам не сходится. Ща будет, наверно.

Отец и в самом деле появился через минуту. За ним выкатился какой-то здоровенный плечистый мужик в наброшенном поверх буквально трещавшей на мощной груди футболки зеленом халате. Наверно, это и был директор аптеки.

Ася изумленно уставилась на него, подняв брови.

До сих пор ей казалось, что директора аптек – такие сухонькие старички с козлиными бородками и крючковатыми носами. А этот выглядел прямо как бодибилдер, зачем-то сбежавший с подиума и натянувший на себя зеленую хламиду.

– Так мы поняли друг друга, Максим, – напирал на отца этот гамадрил. – Недостача очень крупная, счета расходятся на семьсот тысяч. Вы тянете время уже почти месяц...

– Олег, да я все отлично понял, – растягивал губы в улыбке отец.

С первого взгляда видно было, что эта гора мышц чего-то требует от отца, наступает угрожающе. Он же, прекрасно осознавая какой-то имеющийся за ним косяк, юлит и изворачивается, пряча раздражение и нервозность за фальшивым весельем.

– Вы, может, думаете, я слышу плохо? А, понимаю: хотите мне новейший слуховой аппарат впарить, – натянуто веселился отец. – Все будет тип-топ, я же вам говорил. У меня сохранились все накладные, я завезу на днях. Просто до сих пор не было случая. И мы с вами уладим это маленькое недоразумение.

– Послезавтра, – веско произнес Олег, словно выплюнул это слово, почти не разжимая губ. – Послезавтра – крайний срок. Иначе...

– Я понял, понял, – отец вскинул ладони в при-мирительном жесте. – Честное слово, у меня все в порядке со слухом. Хотя ваши слуховые аппараты, ко-нечно...

Олег, не дослушав его вымученно-непринужденную болтовню, развернулся и скрылся за дверью.

Отец едва заметно перевел дыхание и обернулся к фармацевтше:

– Женечка, рыба моя, прости меня, грешного, нужно бежать. Сама видишь, ребенок заждался, – он кивнул на стоявшую в стороне Асю. – И твое начальство не в духе сегодня.

Женечка, при появлении отца выпрямившаяся и занявшая боевую стойку, капризно скривила губы и протянула:

– Тогда послезавтра, да? Когда накладные завезешь?

– Точно! Послезавтра! – отец отсалютовал ей ладонью и, подхватив Асю под локоть, увлек ее на улицу.

– Чего он к тебе прикопался? – спросила Ася, подходя к машине.

– А, забей, – отмахнулся отец. – Все фигня, кроме пчел.

Он взьерошил ей волосы на макушке, и Ася, прикусив губу, отстранилась и пригладила их обратно.

– Ну, все, теперь за драгоценной сестрой – и в Серебряный Бор, – заключил отец и уселся за руль.

В квартиру Вероники Ася поднялась вместе с отцом.

Хватит с нее, пожалуй, бдения в машине. Он опять там зависнет черт-те на сколько, а она будет загигать от духоты?

Нет уж...

Дверь открыл Ивар, двоюродный брат Аси – двенадцатилетний оболтус, долговязый и бледный, с вечно облупленным, обгоравшим даже на мягком подмосковном солнце коротким носом и шапкой светлых, почти до белизны, прямых волос.

Вероника как будто задалась целью нарожать как можно более непохожих друг на друга детей, собрав все краски мира в отдельно взятой семье. Если старший ее сын был рожден от какого-то прибалта, которого, по слухам, дед Алексей однажды спустил с лестницы, то младший, Камиль, унаследовал от так же испарившегося в голубых далях узбекского папаши высокие скулы, хищные рысьи глаза и смоляной чуб.

Ивар оглядел стоявших на пороге Асю и Макса равнодушным взглядом – и открыл дверь пошире, пропуская их в прихожую. Выглянувший из-за его спины восьмилетний Камиль зыркнул темными глазами, бросил Асе:

– Здорово, дебилка! – и, гогоча, унесся прочь по коридору, увернувшись от справедливого подзатыль-ника.

– Макс, это ты? – крикнула откуда-то из ванной Вероника. – Я сейчас.

Она и в самом деле вскоре появилась, распространяя вокруг себя приторное цветочное благоухание.

Веронике было тридцать два, и она, единственная из всего старшего поколения семьи, не казалась Асе безнадежно древней.

Вероника пошла в бабку – вся такая же красивая и мягкая, как большая пушистая кошка. Только у бабки Лиды глаза были цепкими и пристальными, как у настоящей кошки, а в Вероникиных очах плескалось какое-то веселое безумие.

Сейчас она объявилась в коридоре, наряженная в короткое платье дикой леопардовой расцветки, встряхнула светлыми локонами и сунула ноги в босоножки на высоченной платформе.

Затем обернулась и позвала:

– Ивар! Камиль! Вы там собрались, наконец? Поехали!

– Ты что, и пацанов с собой тащишь? – уточнил отец.

– А куда же я их дену? – изумленно распахнула глаза Вероника.

– Оставила бы с этим твоим... как там его? Бекханом?

– Ой, он же дома почти не бывает, – отмахнулась Вероника. – Они тут спялят квартиру без присмотра. Ну его на фиг.

– Как вас всех в машину-то поместить? – нахмурился Максим. – Я не понял, кстати, чего бы тебе на своей не поехать? Ну, той, что папеч тебе подарил два года назад.

Вероника смущенно потупилась и пожала леопардовыми плечами. А снова появившийся в коридоре Камиль радостно объявил:

– А она ее продала!

– Это зачем? – удивился Макс.

– Ну, зачем, зачем, – недовольно отозвалась Вероника. – Значит, надо было...

И тут же, не утерпев, поделилась:

– Мы с Бекханом хинкальную хотим открыть. У него здесь, в Москве, земляк, тоже из Шалажи, в долю хочет войти. Знаешь, я попробовала заняться дизайном помещения, сама эскизы нарисовала – у меня так классно получается! Бэка уже договорился, где помещение арендовать...

– погоди, погоди, – остановил поток ее излияний Максим. – То есть ты продала машину, а деньги ему отдала? На открытие хинкальной? Господи, Ника, какая ж ты все-таки феерическая. И ведь не меняешься с годами! Оплот постоянства в этом изменчивом мире.

– Да пошел ты, – обиделась Вероника. – Все вы никогда в меня не верили. А я, между прочим...

– У тебя хоть какие-то деньги дома остались? – снова перебил ее Макс. – Советую не оставлять их тут, под присмотром Бекхана, а забрать с собой. Так, на всякий случай.

– Что ты несешь! – укоризненно бросила Вероника.

Но затем, подумав, все же вернулась в комнату, погромычала там какими-то выдвижными ящиками и вернулась, запихивая в сумку не слишком впечатляющую пачку купюр.

Все вместе они вышли на лестничную площадку.

Пока Вероника запирала дверь, оба мальчишки взгромоздились на перила, оседлали их, уцепившись руками и ногами, и с гиканьем понеслись вниз.

– Ивка! Камка! Шеи ломаете! – запоздало закричала вслед Вероника и, не дождав-шись ответа, вздохнула: – Вот придурки!

Уже в лифте она наконец спросила у Максима:

– Ну, что там? Мама не звонила?

– Звонила, – кивнул Макс. – Все по-прежнему. В себя не приходил.

– Господи, бедный папа! – всхлипнула Вероника и по-детски вытерла нос тыльной стороной ладони.

И Асе почему-то показалось, что это – единственное откровенное проявление чувств, которое ее родня продемонстрировала за весь этот суматошный день.

Отец же, покосившись на сестру, хмыкнул:

– Бога ради, Никыч, не разводи сырость! Поехали! Разберемся на месте.

2

В комнате на первом этаже, где поместили Алексея Михайловича, чтобы не поднимать его на второй, в родительскую спальню, стоял тяжелый больничный запах, смешивавшийся с тянувшимся из окна приторным благоуханием пионов.

Александра тихо сидела на табурете, придвинутом к постели.

В изголовье кровати мигали какие-то датчики, на специальной стойке подвешена капельница. Матери удалось переоборудовать бывшую гостевую спальню в настоящую больничную палату. Александра не очень понимала – зачем это было нужно. Почему было не оставить отца в больнице, где ему обеспечили бы уход? Но мать уверенно утверждала: «Здесь, с нами, ему будет лучше. Мы соберемся все вместе, и отец скорее придет в себя».

У Александры же мелькала непочтительная мысль, что тут, дома, матери просто легче будет продемонстрировать всем свой тихий подвиг преданной долготерпеливой заботливой жены.

Глаза отца были закрыты, седая голова казалась на подушке до странности маленькой. Отец всегда производил впечатление крупного, могучего человека, а сейчас, лежа в постели без сознания, выглядел каким-то миниатюрным и хрупким.

«Неужели представление о человеке складывается не столько из его физических данных, сколько из некой внутренней силы и энергии, которую он в себе заключает? – думала Александра. – Отец без сознания – и все это внутреннее сейчас ушло, не прочитывается, а потому и само тело кажется каким-то усохшим, слабым и хрупким?»

Особенно странным казалось видеть отца в этой комнате, отделанной по материнскому вкусу. На стенах – обои с цветочным рисунком, выполненным в мягких пастельных тонах, на изголовье кровати – резьба, какие-то листочки и завитушки. Постельное белье в васильках...

Все это совершенно не сочеталось с отцом, всегда предпочитавшим стерильную бело-стальную простоту и функциональность – как в операционной.

Медсестра из санатория, делавшая отцу уколы и отслеживавшая его состояние, недавно ушла, и в комнате было тихо.

Только из-за окна временами доносились вопли Вероникиных мальчишек, пользовавшихся растерянностью взрослых и под шумок крушивших сад Лидии Сергеевны.

Александра протянула руку и дотронулась до пальцев отца. Ладонь была холодной и бледной...

Она зажмурилась, на мгновение представив себе, что вот сейчас отец отдернет руку и гаркнет, как обычно, своим властным раскатистым голосом:

– Александра, отставить панику! Что вы все тут собрались? Заняться нечем? Хоронить меня приехали? Как же, не дождетесь!

Но ничего не произошло.

Отец все так же не шевелился, не открывал глаз...

Дверь за спиной тихо скрипнула.

Александра не обернулась. Но по напрягшимся вдруг плечам, по мурашкам, побежавшим по ее шее, вниз, вдоль позвоночника, сразу поняла, кто вошел в комнату.

Андрей Новиков.

Сын бывшей однокурсницы Алексея Михайловича. Его ставленник и правая рука.

В свое время, убедившись, что никто из его троих отпрысков так и не выбрал медицину в качестве призвания, Воронцов перенес все чаяния и надежды на Андрея, увидев в нем некоего духовного наследника всех его идей и начинаний. Макс до сих пор бесится, что отец, при живом-то единокровном сыне, выбрал в ставленники этого постороннего человека.

Зачем он здесь сейчас? Ах да, он же теперь главврач санатория. Значит, и своего босса наверняка лечит тоже он...

Андрей коротко посмотрел на Александру, кивнул ей и сразу направился к Алексею Михайловичу. Склонился над ним, оттянул веко, проверяя реакцию зрачков. Пролистнул оставленные на столе медсестрой записи.

Александра молча следила за его отточенными, выверенными, профессиональными движениями.

Он изменился с тех пор, как она видела его в последний раз.

Постарел, конечно. Волосы коротко острижены, в когда-то пшеничных прядях щедро рассыпалась седина. Раньше, тысячу лет назад, его светлый чуб так и норовил свеситься на лоб – Андрей смешно морщился и раздраженно откидывал его назад резким движением. А руки у него по-прежнему крепкие, умелые – чуткие пальцы врача. Чувствовать их на собственной коже – было...

Впрочем, нет, этого она не помнит. И к лучшему.

Все эти годы во время кратких визитов к родителям она старалась по возможности избегать Андрея. Конечно, совсем не пересекаться с ним было невозможно – все-таки он был правой рукой отца, а тот не отвлекался от работы ни на миг, даже дома, даже в редкие наезды старшей дочери. Но Александре удавалось ограничить их общение дежурными: «Привет. Хорошо выглядишь. Ты тоже в порядке. Как жизнь? Отлично. Ну и превосходно».

Двадцать лет бессмысленных «как дела?» от человека, когда-то сломавшего ее пополам, выпотрошившего до основания...

Господи, о чем это она? Неужели впадает в мелодраматизм, поддавшись тяжелой домашней атмосфере?

Все нормально. Все в порядке.

Что-то когда-то было – в незапамятные времена, которые никто уже и не вспомнит. Они взрослые люди. Все хорошо.

– Ну, как он? – наконец спросила она.

Андрей обернулся к ней.

Спокойное, ничем особенно не примечательное лицо. Широкие светлые брови, прямой нос, тонкие губы. Только глаза удивительно синие, чистые. Так сразу и не подумаешь, что...

Впрочем, ладно.

Он коротко качнул головой, сжав губы.

И Александра поняла, что ничего обнадеживающего о состоянии Алексея Михайловича Андрей сказать не может. Господи, неужели отец умрет? Неужели он может умереть в любую минуту?!

– Ты давно приехала? – вполголоса спросил Новиков.

– Сегодня, – ответила она, кашлянув, чтобы прочистить пересохшее вдруг горло.

– Надолго?

– Нет, – резко качнула головой она. – У меня очень много работы. Я едва вырвалась. Приехала только потому, что отец...

– Да, – кивнул он. – Ясно. Конечно...

Андрей потупился, а потом снова поднял на нее взгляд.

До чего же все-таки синие у него глаза! Из уголков едва заметными лучиками расходились мелкие морщинки.

Из-под накинутого белого халата виднелась рубашка в мелкую серо-голубую клетку. Он казался таким надежным, открытым и искренним, добрый доктор Новиков. Как жаль, что у Александры остались о нем несколько иные воспоминания.

– Может быть... – нерешительно начал Андрей, – ты хочешь наведаться в санаторий? Я мог бы тебе показать, как все изменилось за последние годы. В любое время, если захо-

чешь... Я сейчас живу на территории санатория, в корпусе для персонала. Мне там выделили квартиру...

– А что же стало с той квартирой... кажется, на Остоженке, да? Где ты жил раньше?

– Я оставил ее жене после развода, – коротко объяснил Андрей.

– Оу, развод...

Внутри как-то странно кольнуло. Некое мстительное удовлетворение – гляди-ка, и у тебя с семейной жизнью не сложилось.

Или что-то иное? Более смутное и глубокое?

– Я не знала, извини...

– Все нормально, – пожал плечами он. – Откуда ты могла знать? Так как насчет экскурсии по санаторию?

Александра поняла, что ей слишком хочется согласиться.

После всех этих лет, когда ей удавалось избегать Андрея, практически не вспоминать о нем, именно сейчас, когда отец лежал при смерти, а мать беспомощно причитала, очень хотелось укрыться от всего этого и от собственного муторного страха в тепле его синих глаз...

Именно поэтому Александра резко встала с табурета, бросила:

– Извини, у меня назначено на восемь совещание по скайпу.

И вышла из комнаты.

В гостиной собралась вся семья.

На светлых, обшитых деревянными панелями стенах комнаты были развешаны многочисленные фотографии в рамках – от старинных, черно-белых, с пожелтевшими краями и полустершимися, едва различимыми лицами, – до современных, распечатанных с компьютера, бивших в глаза неестественно яркими цветами. Вот отец Лидии Сергеевны, профессор Микулин, в полотняном костюме и соломенной шляпе, по моде тридцатых годов, стоит на пороге только что открытого санатория, где он назначен директором. За его спиной высятся белые колонны – когда-то в этом здании располагалась дворянская усадьба, а теперь в нем будут восстанавливаться после травм рабочие и крестьяне. Вид у профессора довольный и гордый – еще бы: очередное завоевание советской науки, направленной на улучшение качества жизни трудящихся! На другой фотографии жена профессора сидит на крыльце только что выстроенного деревянного дома, держа на коленях белокурую девочку – будущую хозяйку этого дома, Лидию Сергеевну Воронцову. Чуть ниже посматривает из полированной рамки молодой Алексей Михайлович, студент мединститута, в карикатурно клешенных брюках и с лохматыми бакенбардами. А рядом с ним, трогательно прислонившись к плечу жениха, нежно улыбается Лидия Сергеевна, похожая на юную Брижит Бардо. Противоположная стена отдана под новейшую историю: маленький Макс с игрушечным металлическим грузовиком, девятнадцатилетняя Вероника – профессиональный снимок периода недолгой модельной карьеры Ники. Александра нашла глазами и себя – высокую худую девочку в коричневом форменном платье с излишне строгими, даже хмурыми глазами. Задержав взгляд на снимке, она едва заметно пожалала плечами: надо же, выходит, не такой уж страшненькой она была в школьные годы. Вполне миловидная девочка, стоило ли так комплексовать?..

В комнате царила так тщательно всегда поддерживаемая матерью чистота. Взглянув на расстеленный у камина мягкий ворсистый ковер, Александра вспомнила, как когда-то им, детям, доставалось за рассыпанные по нему крошки. Ей, старшей, вручался пылесос, Нике – влажная тряпка, и только Макс всякий раз умудрялся удрать от уборки, выскочив в окно. Мать ругалась, грозила ему пальцем через стекло, не в силах сдержать обожающей улыбки, а затем оборачивалась к дочерям:

– Опять сбежал, паршивец, ну что с него взять, мальчишка. А вы у меня, девочки, будущие хозяйки, так что – за работу. И смотрите мне, чтобы ниточка к ниточке, листочек к листочку!

Качество проделанной уборки мать придирчиво проверяла – и не дай бог было пропустить где-то полоску пыли...

Комната и сейчас поражала чистотой.

В доме приятно пахло свежей выпечкой. Лидия Сергеевна, выйдя из кухни, поставила на столик блюдо с румяными плюшками с корицей. С годами мать сильно располнела, но не утратила женственности фигуры, просто раздалась в формах. Всегда аккуратная, она и сейчас одета была в мягкие домашние брюки и трикотажную темную блузку. Блестящие серебром волосы были подняты наверх и заколоты на затылке плавными волнами. Лицо почти без морщин – за счет полноты, кожа гладкая, лишь при ближайшем рассмотрении выдававшая истинный возраст: Лидия Сергеевна была похожа на старую фотографию за стеклом, трещинки на которой становятся заметны, только если подойти вплотную.

– Ох, – вздохнула она, расставляя на столе чайные чашки. – Едва на ногах стою, так устала. С обедом промучилась, еще плюшки...

– Мам, ну зачем ты напрягалась? – спросила Александра. – Могли бы заказать что-нибудь на дом...

– Чтобы мои дети в родном доме питались готовой едой? – оскорбленно поджала губы мать. – Да никогда! Может быть, это у вас в Америке так принято, но здесь...

– Я все равно ничего не буду, я на диете, – неуверенно произнесла Вероника, жадно пожирая плюшки глазами.

– А я буду! – заявил Макс, стащив с блюда сразу две поджаристые булочки.

– Кушай, сынок, я же знаю, как ты их любишь. – Мать притянула к себе голову Макса, расположившегося на подлокотнике кресла, и поцеловала его в волосы. Затем подняла взгляд на старшую дочь: – Новиков осмотрел папу?

– Осматривает, – кивнула Александра.

– Не мог раньше приехать, – проворчала мать. – Отец столько для него сделал, а теперь остается на целый день, можно сказать, без медицинской помощи! Нет, я все понимаю, конечно, он не обязан, – добавила она кратко. – Но все-таки чисто по-человечески...

– Мамик, «чисто по-человечески» сейчас не модно, – отозвался Макс. – Нужно, наоборот, побыстрее подсуетиться, чтобы освобождающееся место занять, а то более ушлые опередят. Этого нам с тобой не понять, мы в этом мире практически вырожденцы...

Ася, листавшая в кресле напротив какую-то книгу из семейной библиотеки, покосившись на отца, довольно громко фыркнула, но ничего не сказала.

– Мне нужно идти, у меня совещание по скайпу, – произнесла Александра.

– Совещание по скайпу, еда по заказу, – фыркнул Максим. – Секс по Интернету? Новые технологии рулят, а, сестричка?

Александра не успела ответить, потому что в эту минуту в саду что-то грохнуло, взорвалось, и в дом пополз едкий дым.

– Боже, Ника, уйми своих сыновей, – страдальчески простонала мать. – Я больше не могу!

– Что же я с ними сделаю? – растерянно протянула Вероника. – Ты же сама хотела, чтобы собралась вся семья.

Александра, не дослушав разговора, вышла из – комнаты.

* * *

В комнату к деду Ася заходить не стала.

Заглянула на минуту через отцовское плечо – и вынырнула обратно в коридор.

Было слишком страшно увидеть его, неподвижного, увешанного какими-то трубками и приборами...

Поселили ее в одной комнате с теткой Александрой. Асе она не слишком-то нравилась – слишком сухая и унылая. Пару лет назад они с отцом гостили у нее в Чикаго, и тетка возила ее в Диснейленд и вообще всячески развлекала. Правда, делала это как-то натянуто, как будто вычитала где-то, как нужно вести себя с подростками, и старалась теперь строго следовать описанным правилам.

Ну, да и ладно, спасибо еще, что бабушка не за-ставила ее спать в одной комнате с двоюродными братьями!

Они бы точно ночью подожгли ей волосы...

Александра тут же оккупировала комнату, врубив скайп и затараторив с коллегами по-английски. Ася попыталась было что-то спросить, но тетка обернулась к ней и приложила палец к губам, прося не мешать. Асиного английского хватило на то, чтобы понять: Александра обещает своим коллегам вернуться так быстро, как это возможно.

– Максимум два-три дня, – заверяла она.

«Интересно, – подумала Ася, – что она станет делать, если за это время дед не умрет?»

На душе у нее было категорически паршиво...

Ася еще немного послонялась по дому. Наткнулась на Веронику, которая, забившись в угол террасы, воровато оглядываясь на дверь, говорила в те-лефон:

– А вы, собственно, кто? Милана? Жена? Подождите, но он мне сказал, что уже два года как в разводе... Я... – зажав динамик ладонью, она коротко всхлипнула и с силой прикусила губу. – Постойте, что вы от меня хотите? Я его не держу здесь, не держу! Если он не возвращается к вам...

Увидев Асю, она сделала страшные глаза и замахала на нее руками, прогоняя.

До ужина в доме царила непроходимая скука.

Баба Лида собрала всех за большим столом в гостиной, приволокла из кухни блюдо с запеченной свиной, походя бросив, что, мол, может быть, у некоторых там, в Америках, и не принято готовить дома, они же здесь по старинке...

Александра, пожав плечами, отозвалась:

– Я просто хотела, чтобы тебе было проще, мама. В любом случае я мясо есть не буду, я вегетарианка.

– Да ну? – хохотнул отец. – Это еще зачем? Продлевает молодость?

– А что ты смеешься, Макс, – возразила вдруг Вероника. – Мне, между прочим, тоже жалко бедных зверушек.

– В тебе, Ника, я и не сомневаюсь, – поддел ее отец. – Тебе наверняка и безвинно убиенный огурец жалко.

Ивар и Камиль чинно жевали предложенный им ужин, но Асе было видно, как под столом они остервенело пинают друг друга ногами...

Потом из комнаты, где лежал дед, появился Андрей Павлович Новиков, его лечащий врач, и баба Лида принялась уговаривать его:

– Андрюша, может быть, поужинаешь с нами? Ты ведь устал, уже поздно...

Она елейно улыбалась ему, пытаясь за локоть затянуть за стол.

У тетки Александры почему-то покраснела шея, а глаза ее так и уставились в тарелку, как будто на дне ее помещался некий секретный код, требовавший немедленной разгадки.

Но Новиков сдержанно отказался, отговорившись, что занят. Стоило ему уйти, как бабка тут же принялась ворчать себе под нос:

– Занят он, вот оно что! Интересно, чем же это он так занят? Интриги плетет, чтобы на Алешино место сесть?

– Мамик, а тебе не приходило в голову, что он, может быть, сам всю эту ситуацию с закрытием санатория спровоцировал? – как бы между прочим заметил отец.

– О чем ты говоришь, Максюша, конечно, приходило! – подхватила бабуля. – Наверняка успел уже подольститься к этому новому начальнику в Минздраве и сам же ему и напел: дескать, Воронцов уже старик, не выдерживает нагрузки, не понимает новых веяний в науке...

– А по-моему, вы все выдумываете, – влезла в разговор Вероника. – Андрей совсем не похож на предателя. У него глаза такие... честные!

– Ради бога, Ника, – усмехнулся Максим. – Вот уж кто знаток честных глаз, так это ты.

– А давайте у Сашки спросим, – не унималась Вероника. – Она же с ним когда-то встречалась. Саш, правда же?

Тетка Александра вытянула и без того идеально прямую спину и выглядела так, словно проглотила железный прут.

– Саш, ведь правда же, Андрей – честный че-ловек?

– Я не могу судить объективно, – наконец выдавила из себя Александра. – У меня слишком мало данных для того, чтобы делать выводы.

– Неужели? – улыбнулась бабка Лида, как показалось Асе, с некоторой ядовитостью.

– Не понимаю, – протянула Вероника, – как это ты не можешь судить, когда ты...

– Ника, Александра ведь у нас юрист, – ерничал Максим. – Это тебе достаточно провести с мужчиной два часа, чтобы вверить ему свое сердце вместе со всеми сбережениями в придачу.

– Отвяжись, а? – огрызнулась Вероника. – Тебе бы я уж точно ничего не доверила.

– Прекратите немедленно, – всхлипнула баба Лида. – Как вы можете так себя вести, когда отец... отец в таком состоянии... у меня и без того нет никаких сил, а вы...

Максим тут же подскочил из-за стола и метнулся к матери, приговаривая какие-то ласковые увещевания. Вероника обиженно моргала, глядя в тарелку. В кармане пиджака Александры в тысячный раз за этот день заиграл мобильный. Она, извинившись, вышла из-за стола и снова принялась дистанционно решать какие-то рабочие вопросы. Ивар, наконец, изловчившись, пнул Камиля так, что тот полетел со стула на пол, вереща и матеря брата на чем свет стоит.

– Что за выражения! – взвизгнула бабушка. – Как не стыдно! Пользуетесь тем, что дед не может вас приструнить. Ника, уйми их!

Ася решила, что пора сматываться с семейного ужина, пока дорогие родственники не перешли на вопросы ее воспитания.

Отец, кажется, хочет чего-то добиться от бабки, не зря он так вокруг нее вился плющом. Так что, если разговор зайдет о ней, Макс может внезапно переметнуться на сторону карающей общественности, чтобы не вызвать бабкиного недовольства. Дождаться этого она не собиралась.

– Спасибо, было очень вкусно, – пробормотала Ася сквозь зубы, поднимаясь из-за стола.

И поспешила выйти из комнаты, пока кто-нибудь к ней не прицепился.

Захватив в прихожей рюкзак, Ася вышла из дома и решила отправиться побродить по окрестностям.

Добротные каменные ворота с вывеской «Реабилитационный центр “Владимирское”» находились рядом с домом, буквально в ста метрах.

«Если дед больше не будет директором санатория, если он... если все закончится плохо, – думала Ася, – новый директор наверняка захочет занять этот дом. Интересно, согла-

сится ли бабка Лида продать его? Наверное, да. И кто станет покупателем? Этот самый доктор Новиков с усталым спокойным лицом? А вообще-то, какая, на хрен, разница?»

Ася пошла в противоположную от ворот сторону.

Вокруг тянулись вверх красноватые стволы сосен, наполняя воздух сладковатым смолистым запахом. Солнце уже зашло, но стемнело еще не до конца. Небо багряными и фиолетовыми полосами проглядывало между деревьев. Направо уходили улицы дачного поселка. Тянулись высокие заборы, из-за которых виднелись то новомодные кирпичные особняки, то старые, оставшиеся еще с былых времен дощатые дачные домики. Оттуда доносились голоса, приглушенная музыка. Тихо позванивая, проехал велосипед...

Ася повернула налево и пошла между сосен, чувствуя, как ступни сквозь сандалии покалывают старые сосновые иглы.

Она не очень представляла, для чего они с отцом приехали сюда и какого поведения от нее ожидает – родня.

Что теперь все они должны делать? Сидеть в доме и терпеливо ожидать, когда дед умрет? Но, черт возьми, это же так мучительно, мучительно. От собственной беспомощности хочется завывать. Если бы только ей сказали: пойдись туда-то, сделай то-то – и деду станет лучше, она бы, не задумываясь, сделала это. Но торчать часами в вылизанных бабушкиных комнатах, слушая, как грызутся родственники, как причитает бабка Лида, и каждую минуту ждать, что из дедовской палаты раздастся пронзительный писк прибора, означающий, что сердце деда остановилось, было выше ее сил.

Она сбежала.

Ну и пусть!

Никто, наверно, и не заметит, что она исчезла...

Вскоре сосны кончились, и Ася вышла на высокий обрывистый берег реки. Пляж дачного поселка находился чуть ниже и левее, там оборудованы были мостки, раздевалки. В дощатом, разрисованном яркими красками сарайчике можно было взять напрокат лодку. А отсюда, с высокого места, ныряли лишь самые отчаянные. В детстве родители постоянно твердили ей, что прыгать здесь нельзя. Даже если повезет и не ударишься о воду, то внизу бьет холодный ключ, моментально сведет ногу – и утонешь.

Ася остановилась на самом обрыве, глядя вниз, на прохладно дышавшую в сгущавшейся темноте реку.

На мгновение захотелось прямо сейчас стащить с себя одежду, разбежаться и сигануть в воду!

И будь что будет.

Она ощутила это желание так жаростно, что несколько секунд почти не дышала, вглядываясь широко распахнутыми глазами в манящую бездну.

Позади раздался какой-то шум, треск сухой ветки под подошвой.

Ася вздрогнула – и отступила на шаг от обрыва, часто дыша.

Затем обернулась.

Чуть поодаль, опираясь плечом на ствол сосны, стоял какой-то парень и смотрел мимо нее на гаснущие в речной воде полосы заката.

Как это она не заметила его сразу?!

Хотя, понятно, конечно: в сумерках всегда все приобретает обманчивые очертания...

Асе стало неловко – парень, конечно, видел, как она зависла над обрывом. Еще, чего доброго, принял ее за юную суицидницу!

Свесив рюкзак на одно плечо, она нашарила смартфон, вытащила его и включила фотоаппарат. Вскинула руку вверх, ловя в видеоискатель закатное небо. Пусть думает, что она всего лишь хотела заинстаграмить красивый вид. Ася щелкнула кнопкой спуска, полюбова-

лась снимком и попыталась в самом деле запостить его в инстаграм. Но телефон проинформировал ее, что мобильный Интернет здесь отсутствует.

Ася обернулась к парню.

Тот уже присел на корточки под сосной и закуривал. Рассмотреть его в сумерках как следует не удавалось. Светлые джинсы, темная толстовка, лохматая прическа неопределенного цвета...

– Эй, привет! – позвала Ася. – Ты местный?

– Ага, – кивнул парень.

Голос у него был приятный, слегка глуховатый.

– Не знаешь, где тут ловит Интернет? Может, на территории санатория?

– Не-а, не знаю, – покачал головой парень.

– Ну, брось, как это? – не поверила Ася. – Ты же тут живешь, так? Как ты можешь не знать, где тут в окрестностях связь нормальная?

Она подошла ближе.

Парень протянул ей сигаретную пачку:

– Будешь?

Ася, помедлив, кивнула, вытащила из пачки сигарету, случайно задев ладонь парня кончиками пальцев. Рука была теплая, и Ася только сейчас поняла, как замерзла, стоя в тонкой футболке и шортах над обрывом. Днем было жарко, но сейчас, после захода солнца, похолодало. И от реки ощутимо тянуло сыростью.

Парень щелкнул зажигалкой, и лицо его на несколько секунд осветилось оранжевым пламенем. Ася успела рассмотреть светлые с прозеленью глаза, щедро осыпанный веснушками, чуть вздернутый нос, длинные смеющиеся губы, сжимавшие сигарету. На вид ему было лет семнадцать-восемнадцать. Потом она прикурила, зажигалка погасла, и лицо парня снова отступило в темноту.

– А зачем мне знать, где тут ловит Интернет? – равнодушно спросил парень.

– Ну... – растерялась она. – Не знаю. Фейсбук там смотреть или инстаграм. Чтобы общаться...

– Ну, вот мы с тобой сейчас разве не общаемся? – дернул худыми плечами он.

– Да, но ты обо мне ничего не знаешь, – засмеялась Ася. – А так сразу бы увидел, как меня зовут, что мне нравится, какая музыка, какие фильмы.

– Я знаю, что ты замерзла, – сказал вдруг парень. – Держи!

Он отложил недокурную сигарету на валявшийся на земле кусок коры, стянул через голову толстовку и протянул ее Асе.

– Хм, спасибо, конечно, – недоверчиво отозвалась она. – А тебе разве не будет холодно?

– Если станет неважно, отберу обратно, – пообещал он. – Бери. Пока я добрый.

– Ладно, тебе же хуже, – усмехнулась Ася и натянула толстовку через голову.

Она была еще теплая после незнакомого парня, слегка пахла стиральным порошком, табачным дымом и еще чем-то смутно приятным, что, наверное, было его собственным запахом. От этого у Аси почему-то вспыхнули щеки, и сердце выполнило сложный акробатический кульбит, ударившись о ребра.

Она опустила на землю рядом с парнем, поджала ноги и натянула толстовку, которая была сильно ей велика, на колени.

В самом деле стало тепло.

– Ну вот, – сказал парень, – с холодом разобрались. А про все остальное ты мне сама расскажешь, если захочешь. Меня, кстати, зовут Артем.

– Я Ася, – представилась она.

– Ася? Это что же, Ассоль, если полностью? – хмыкнул он. – Ты поэтому на обрыве торчала? Алые паруса караулишь?

– Нет, полностью – Анастасия, – пояснила она. – Просто я имя Настя терпеть не могу. Ася или Тася – нормально.

– Вот видишь, – заметил он. – И Фейсбук на фиг не нужен. Я уже знаю, что ты Ася или Тася, но не Настя. Что ты любишь фотографировать закаты. Что ты живешь не здесь – иначе не стала бы спрашивать, где ловит Сеть. Но приехала сюда не в первый раз – хорошо ориентируешься на местности, не побоялась заблудиться в темноте. Хочешь, еще что-нибудь угадаю?

– Рискни, – подхватила игру Ася.

– У тебя, наверно, не так уж много друзей, раз ты так привязана к социальным сетям. А еще... один твой родственник сейчас серьезно болен, и ты переживаешь за его здоровье.

Ася нахмурилась:

– Интересно, а это ты как вычислил? По тому, как я стояла на обрыве, или из-за того, что спрашивала про Интернет?

Артем рассмеялся.

– Да я просто катался на велике по поселку и видел, что ты вышла из дома, где директор санатория живет. А про то, что у Воронцова инсульт был, – весь санаторий знает, у меня мать там санитаркой работает.

– Вот, значит, как, – тихим угрожающим голосом отозвалась Ася. – По-твоему, это очень смешно, да? Знать, что у моего деда инсульт, и использовать это, чтобы меня обдурить. Знаешь что, да пошел ты!

Ася резко поднялась с земли, развернулась и пошла прочь, забыв, что все еще одета в толстовку Артема.

Горло щипала едкая досада. Вот дебил! А он-то еще ей понравился!

– Эй, погоди!

Артем догнал ее через несколько шагов и ухватил за запястье. Ладонь его была шершавой, Ася кожей ощутила твердые длинные мозоли под пальцами. Наверно, часто катается на лодке, такие мозоли – от весел. Так-то, она тоже способна кое-что вычислить!

– Слушай, ну не злись, я ступил, – начал уговаривать ее Артем. – Просто... просто ты мне понравилась, и я несу первое, что придет в голову, чтобы привлечь твое внимание.

Кровь снова прилила к лицу, дыхание сбилось. Ася осторожно выдохнула, чтобы не обнаружить своего волнения.

– Ого! Ты всегда так: сразу выдаешь всю правду?

– Всегда, – усмехнулся Артем. – Мать говорит про меня – язык без костей.

– Тогда я тоже могу кое-что про тебя угадать, – лукаво заметила Ася. – В школе тебя наверняка лупили.

– Пытались, – кивнул Артем. – Но удавалось – редко.

– Ты что же, такой крутой: любого можешь побороть?

– Не-а, просто бегая быстро, – откровенно ответил он.

Они рассмеялись и пошли к дороге.

Стало уже совсем темно. Небо раскинулось над соснами темно-фиолетовым шатром. Луна еще не выкатилась из-за горизонта, и первые звезды бледно мерцали, разгораясь постепенно. Запахло пряной ночной свежестью.

– Ну, и где твой велик? – спросила Ася.

– Вот!

Артем отошел на несколько шагов, нагнулся и поднял с земли оставленный велосипед.

– Хочешь прокатиться?

Ася вытащила из рюкзака мобильник, взглянула на время и с сожалением покачала головой:

– Поздно уже. Мои панику поднимут, что я пропала.

Они двинулись по дороге к Асиному дому. Артем вез велосипед рядом с собой, и тот тихо позвякивал в темноте.

– Давай, завтра тогда? – не отступал он.

– Давай, – улыбнулась Ася. – Или можно на – лодке...

– Откуда ты узнала про лодку? – изумился Артем.

Ася уже взялась рукой за калитку, затем обернулась к нему и улыбнулась, пытаясь вложить в улыбку побольше загадочности.

– Вычислила по форме твоих ушей. Спокойной ночи!

В доме было тихо.

Все, кажется, разбрелись по своим углам. Из Вероникиной комнаты доносился приглушенный шепот и смешки мальчишек. Отец должен был ночевать в дедовском кабинете, оттуда не доносилось ни звука.

Ася поднялась к себе.

Тетки Александры в комнате не было. «Наверно, все никак не успокоится со своими рабочими переговорами», – подумала Ася.

Только сейчас она поняла, что все еще одета в толстовку Артема. Черт знает почему, но расставаться с ней не хотелось.

Ася стянула шорты, а толстовку не тронула, забралась под одеяло прямо в ней. Мягкий трикотаж уютно согревал тело, и пахло от него почему-то так приятно...

Ася свернулась калачиком и закрыла глаза.

3

К главному корпусу санатория вела широкая аллея, обсаженная по краям высокими голубыми елями. Александра вспомнила почему-то, что в ее детстве ели эти только посадили – после капитального ремонта территории, и какое-то время они были с ней, маленькой, одного роста. А потом они рванули вверх, и она переживала, что растет медленнее, чем елки на папиной работе. Когда ей было семнадцать, елки уже сильно обогнали ее в росте, но все равно не были такими высоченными монстрами, как сейчас...

За елками виднелись больничные корпуса, кое-где мягко светились в сумерках окна палат, резким голубоватым светом выделялись окна коридоров, оставшиеся освещенными даже на ночь.

Александра не знала, на что рассчитывала, заявившись в санаторий так поздно. Мать сказала, что Андрей часто задерживается на работе допоздна.

– Выслуживается, – бросила она, брезгливо скривив губы.

Впрочем, у Александры этот факт не вызвал такой однозначно отрицательной оценки. Ей и самой приходилось ночевать в офисе, когда, засидевшись за срочной работой, она вдруг понимала, что логичнее будет прикорнуть на несколько часов прямо здесь, на диване, чем ехать через полгорода домой, чтобы к восьми снова появиться на службе.

Тем более Новиков сказал, что разошелся с женой и переехал жить в квартиру в корпусе для персонала. В таком случае ему, наверно, и в самом деле нет разницы, где находиться вечерами – в кабинете или в казенной квартире соседнего здания.

Если, конечно, он не встречается с кем-нибудь...

Александра, рассердившись на себя, быстро прогнала эти мысли. Личная жизнь главного врача санатория ее абсолютно не касалась!

Ей нужно всего лишь подробнее узнать у него о состоянии отца, о его перспективах. У матери все равно не удалось ничего толком выяснить. Сплошные охи и причитания – крайне раздражающая несобранность!

Для себя Александра решила, что, если не удастся застать Андрея в кабинете, спросит у вахтерши его телефон. Идти к нему на квартиру с разговорами в такой час, конечно, было бы лишним. Звонок, разумеется, тоже не вполне уместен, но все-таки Новиков кое-чем обязан ее семье и, как надеялась Александра, должен проявить понимание.

На ее удивление, вахтерша на входе подтвердила, что главврач все еще у себя.

– Сашенька, никак ты? – изумилась она, отрываясь от вязания и подслеповато вглядываясь в позднюю посетительницу. – Ох, ну и взрослая же! А я ведь тебя еще вот такой помню...

Александра терпеливо вынесла обрушившийся на нее водопад воспоминаний и вздохов пожилой женщины.

Честно сказать, сама она ее не помнила. Для нее весь отцовский персонал был на одно лицо. Понятно, что ее саму, старшую дочку директора, знали все, удивительно было только, что узнали и сейчас. Ей-то казалось – она достаточно поработала над своей внешностью, чтобы изменить юношеский образ. Вместо темной длинной косы – четкая стрижка, призванная подчеркивать серьезность и твердость характера, вместо извечных джинсов и мальчишеских рубашек, за которыми она когда-то прятала неуверенность в себе и боязливость – строгий, возможно, даже немного агрессивный, деловой стиль.

Ей немного неприятно было осознавать, что из-за всей этой тщательно выбранной брони до сих пор проглядывает тогдашняя Саша Воронцова.

– Сашенька, как папа? – не отставала вахтерша. – Золотой человек, дай ему бог сил и здоровья. Мы все за него молимся, ты так и знай!

– Да-да, хорошо. Спасибо! – отозвалась она и, вырвавшись наконец из цепких лап бабульки, заспешила вверх по лестнице.

В коридоре пахло дезинфицирующим средством. Чистота стояла стерильная – Александра помнила, как жестко следил за этим отец. Ни пылинки, ни пятнышка. Белые двери кабинетов прямо-таки сияли чистотой. Удивительно, конечно, что такого строгого и бескомпромиссного директора персонал настолько любит и ценит, что даже молится за него! Впрочем, возможно, вахтерша несколько преувеличила свои чувства, рисуясь перед дочерью директора...

Александра осторожно постучала в тяжелую деревянную дверь с табличкой «главврач Новиков А. П.» и, не дожидаясь ответа, заглянула в кабинет.

Андрей стоял у окна, выходящего на задний двор санатория, и говорил по мобильному. Если он и был удивлен, увидев Александру, то не подал виду, быстро кивнув ей, приглашая подождать, пока он не закончит разговор.

– Значит, я могу рассчитывать: послезавтра, в крайнем случае в понедельник, – сказал он кому-то. – Да, дело не терпит, сам понимаешь. Нужно спешить, иначе может быть поздно. Конечно, я подъеду, переговорю с ним сам.

Александра опустилась в кресло для посетителей, напряженно прислушиваясь к репликам Андрея. Было очевидно, что, несмотря на позднее время, разговор шел о работе.

«Нужно спешить... может быть поздно...»

Что может быть поздно?

Скончается действующий директор санатория Воронцов?

Значит, мать была права, и Новиков спешит заручиться министерской поддержкой, чтобы после смерти отца занять место директора?

В чем еще она права?

В том, что Новиков намеренно подсадил отца через своего министерского приятеля и фактически довел его до инсульта?

Эта мысль оставила неприятное скребущее чувство. Отчего-то ей не хотелось думать об Андрее как о интригане и предателе.

Странно. Ей казалось, что все эти годы она именно так о нем и думала.

Выходит, нет?..

Андрей закончил разговор, попрощался и отложил мобильный. Затем поднял глаза на Александру – усталые, поблекшие, словно глубокую синеву присыпало пеплом.

Отчего у нее вдруг пересохли губы?..

– Я пришла... – она сухо откашлялась. – Мне нужно подробнее узнать о состоянии отца.

– Да, конечно, – с пониманием кивнул он. – Я расскажу.

Андрей взял с тумбочки белую картонную папку – медицинскую карту Алексея Михайловича, полистал ее, еще раз просматривая записи, результаты анализов и клинических исследований.

– Что я могу сказать... Состояние крайне тяжелое. Кардиограмма неплохая, сердце пока справляется. Что касается остального...

Он говорил уверенно, сыпал медицинскими терминами, в которых Саша ничего не понимала, заставляя ее чувствовать себя невежественной маленькой девочкой, нахально влезшей в беседу взрослых. Она нетерпеливо повела плечами, склонилась над столом, пытаясь рассмотреть что-то в развернутой перед Новиковым карте. До нее донесся слабый запах одеколona Андрея, запах горячего утюга от медицинского халата, брошенного на плечи главврача. Это сбивало с толку, действовало на нервы, и Александра раздражалась на саму себя – она слишком остро реагировала на мелочи в присутствии этого мужчины.

– Андрей, – остановила она его. – Подожди. Ты забываешь, что я не медик, и половина того, что ты говоришь, мне непонятна. Мне нужно четко понимать, каковы перспективы. Я не могу задерживаться здесь, у меня сейчас очень сложный момент на работе, и если...

Андрей резко выдохнул, посмотрел на нее в упор и бросил:

– Саша, ты понимаешь, что фактически спрашиваешь меня сейчас, как скоро твой отец умрет? Могу ли я гарантировать, что это не продлится слишком долго...

– Что? – ахнула она. – Я... Нет, я просто...

И тут же разозлилась на собственное смущение:

– По-твоему, я чем-то помогу отцу, если буду сидеть тут и лить слезы? К твоему сведению, мне действительно нужно вернуться как можно скорее, а от того, что я буду сидеть здесь и картинно страдать, никому лучше не станет!

– Почему ты так торопишься уехать? – вдруг жестко спросил Андрей. – Тебя кто-то ждет там?

– Да, меня ждут, – с вызовом отозвалась она. – Мои коллеги, мои клиенты. Они зависят от меня. Если я не приеду вовремя, кто-то из них может потерять деньги, время, имущество, свободу, наконец. О, я понимаю, – резко отреагировала она, заметив скептическую усмешку Новикова, – тебе все это кажется таким мелким, неважным, от тебя-то ведь зависят человеческие жизни! Но поверь: моя работа тоже имеет для людей большое значение.

– Я в этом и не сомневаюсь. – Новиков встал, обошел стол и остановился рядом с ее креслом.

Александр неприятно было, что он нависает над ней, смотрит на нее сверху вниз. Но она подавила первый порыв – вскочить на ноги – и осталась сидеть.

– Я в этом не сомневаюсь, – повторил Новиков. – Просто ты... Я не могу понять... Ты же не была такой раньше! Ты так напряжена из-за работы, как будто, кроме нее, больше ничего не существует. Честное слово, создается впечатление, что она беспокоит тебя больше, чем состояние отца.

Александра все-таки вскочила, чувствуя, что больше не может справиться с гневом, едким облаком поднимавшимся изнутри:

– Кто ты такой, чтобы меня отчитывать за черствость, а? Ты – всего лишь лечащий врач моего отца, занимайся своим делом и не пытайся лезть мне в душу! Кроме того, очень забавно услышать именно от тебя рассуждения на тему: карьера не главное, главное – семья. Кажется, когда-то именно ты внушал мне совершенно другое!

Лицо Андрея мгновенно замкнулось, помрачнело.

– Это было много лет назад, – выговорил он. – С тех пор я мог поменять мнение, понять, что ошибался...

– О, разумеется, – зло подхватила Александра. – Почему бы теперь, когда твоей карьере ничто больше не угрожает, не решить, что ты ошибался?! Не позволить себе поддаться чувствам – иногда, в безопасных дозах? И не взяться повоспитывать других, холодных и эгоистичных? Делая вид, что никакого отношения не имеешь к их эмоциональной выхолощенности, забыв, что она и есть прямой результат твоих собственных ошибок! – Она выбросила все это, почти задыхаясь от гнева, чувствуя, как лихорадочно жжет щеки.

– Ладно, извини, – резко прервал ее Андрей.

Он отступил на шаг и откинул голову.

– Извини, я действительно влез не в свое дело. Твое отношение к семье и карьере меня совершенно не касается. Просто... просто ты изменилась, и я... оказался к этому не готов.

Из Александры как будто разом выпустили воздух. Она готова была сражаться насмерть с обличающим и обвиняющим Андреем. Но перед таким, примирительно отступившим, признавшим свою неправоту, она решительно пасовала. И – черт! – кажется, в пылу ссоры она наговорила лишнего. Того, о чем ему совершенно не следовало знать...

Как глупо!

– Конечно, я изменилась, – пробормотала она. – Столько лет прошло. И ты... ты тоже изменился, – Андрей.

– Да, наверно, – кивнул он. – Но за собой ведь этого не замечаешь, правда?

Александр хотелось сказать, что нет, напротив: она потратила много сил, чтобы измениться, сделала это сознательно и с удовлетворением замечала перемены в себе. Но сейчас, под пронзительным синим взглядом этого мужчины, она почему-то не смогла это произнести.

– Мне жаль, я на самом деле не могу сказать тебе ничего определенного про состояние твоего отца, – сдержанно произнес Новиков. – Я делаю все возможное, мы все делаем все возможное... Но гарантий никаких, и как скоро все может закончиться...

Он развел руками.

Александру прямо-таки гипнотизировали эти руки – сильные, ловкие, умелые. На одну секунду ей захотелось вдруг, чтобы Андрей шагнул вперед – и обнял ее этими самыми руками. Захотелось ощутить их тепло и уверенную силу, прижаться лицом к клетчатой рубашке, хранящей тепло и аромат его тела...

Александра на мгновение зажмурилась, прогоняя нелепые фантазии.

Этот человек когда-то уже продемонстрировал ей, что вся его теплота и надежность – обманчивы. И у нее не было никаких оснований для того, чтобы это мнение поменять. Тем более теперь, когда, возможно, именно он виновен в неприятностях отца с министерством и в его болезни!

– Я понимаю, – кивнула она. – В любом случае – спасибо. Я постараюсь задержаться здесь еще на два-три дня, но потом мне все же придется уехать. Извини... – она замялась. – Извини, что повысила голос. Нервы на пределе, я просто сорвалась. Это было неправильно, я сожалею.

– Все нормально, – качнул головой Андрей. – Я тоже не должен был. Буду рад, если ты сможешь еще зайти. Я покажу тебе, что нового в санатории.

– Не уверена, что у меня получится выкроить время, – отозвалась Александра. – Но, может быть, зайду. Спасибо. Спокойной ночи.

Она уже взялась за ручку двери в кабинет, когда приглушенный голос Андрея остановил ее.

– Саша, – окликнул он.

И голос его звучал так знакомо, так мягко и завораживающе, словно в одно мгновение отбрасывая ее на двадцать лет назад...

– Что? – шепотом спросила она, не оборачиваясь.

– Саша, что ты имела в виду, говоря, что теперь моей карьере ничто не угрожает и я могу позволить себе просто чувствовать? По-твоему, я... был нечестен с тобой тогда, потому что моей карьере что-то угрожало?

Александра замерла на месте, тупо глядя перед собой в полированную поверхность двери. Перед глазами расплывались полосы и завитки узора, вырисованного самой природой в структуре дерева.

– Это совершенно неважно сейчас, Андрей, – наконец глухо произнесла она. – Не имеет никакого значения. Все закончилось много лет назад, и... Спокойной ночи.

Она быстро вышла из кабинета, так и не обернувшись.

В больничном парке уже совсем стемнело.

Над деревьями распахнулся темно-фиолетовый, унизанный серебристыми звездами небесный свод. Слабый ветер доносил откуда-то свежий запах речной воды и сосновой хвои.

Александра некоторое время быстро шла по главной аллее, не думая, куда направляется, ничего не замечая вокруг. Лишь когда волнение немного отступило, она сообразила вдруг, что пойти здесь ей некуда, кроме как в родительский дом.

После разговора с Андреем, всколыхнувшего внутри что-то смутное, болезненное, то, что она долгие годы пыталась вытеснить, возвращаться в гнетущую атмосферу родительского дома, где лежал в беспомощности отец, всхлипывала мать и грызлись между собой Макс и Вероника, казалось выше ее сил...

Александра свернула с аллеи и пошла влево, пробираясь между темневших в ночном воздухе деревьев и кустов. Если она правильно помнит – там, в глубине парка, за третьим лечебным корпусом, должна быть старая полуразрушенная беседка. Ее почти не видно за разросшимся кустарником, поэтому во время ремонтов территории о ней забывали и не трогали. Конечно, за прошедшие годы от старой беседки могло ничего и не остаться...

Александра пробралась в глубь парка и разглядела едва видимые из-за старых липовых стволов деревянные колонны.

Значит, беседка все еще на месте.

Часть резной балюстрады обвалилась, дощатый пол прогнил и местами провалился, колонны, поддерживавшие прохудившуюся крышу, были исписаны.

Где-то здесь должны быть вырезаны перочинным ножом две сплетающиеся буквы А. В такую темень не найдешь, конечно...

Александра осторожно опустилась на опоясывавшую беседку изнутри деревянную скамью, облокотилась о колени и спрятала лицо в ладонях.

Курить хотелось смертельно.

Впервые за долгие годы она вдруг начала мечтать о сигарете. Александра даже обрадовалась тому, что взять сигарету ей было неоткуда. Она так долго вела здоровый образ жизни – вегетарианство, абонемент в спортивном клубе, никакого фастфуда, минимум алкоголя и, уж конечно, никакого курения! Неужели теперь, из-за одного разговора с Андреем, позволить всему полететь к черту?! Где же тогда ее хваленые выдержка и хладнокровие?..

Что, в сущности, произошло?

Он сказал ей, что она изменилась, упрекнул в черствости, а она не сдержалась и вскользь упомянула об их прошлом, о чем поклялась самой себе никогда не вспоминать.

Ну и что?

Что бы там ни было когда-то между ними, прошло уже двадцать лет.

Двадцать лет. Господи...

Впервые она услышала об Андрее в семнадцать.

Она тогда только поступила на юридический факультет МГУ, и отец, все еще не смирившийся с тем, что старшая дочь не захотела пойти по его линии, неизменно хмурился, когда ей случалось упомянуть что-то об учебе. Но в тот октябрьский день – кажется, это была пятница – Алексей Михайлович явился к ужину на удивление веселым, едва ли не напевающим. Он чмокнул в золотистые упругие локоны шестилетнюю Нику, взъерошил Максиму на макушке волосы, на ходу приобнял уже сидевшую у стола Сашу за плечи и, опустившись на свое место, сказал матери, разливавшей по тарелкам борщ:

– Ты не представляешь, кто мне написал!

– Мм... Кто? – не слишком заинтересованно спросила Лидия Сергеевна.

– Галина! – торжественно провозгласил отец.

Мать неловко перехватила половник, черенок вдруг выскользнул из пальцев. Половник упал в супницу, багровые брызги борща полетели прямо на отцовскую белую рубашку.

– Лида, ну, елки зеленые! – рыкнул Алексей Михайлович.

– Ой, прости, Алешенька! – тут же подхватила мать. – Сейчас принесу чистую.

– Да черт с ней, высохнет, – отмахнулся отец. – После обеда сменю, я голодный, как собака. Так вот, я говорю: Галина мне написала, помнишь ее?

– Нет, – коротко отозвалась мать, поджимая губы.

– Ну, Галка Каляева, однокурсница наша, остроносенькая такая. Помнишь?

Мать, не глядя на него, пожала плечами, шлепнула по руке Веронику, тянущуюся к вазе с конфетами, а Максиму в тарелку отправила огромный сметанный – айсберг.

– Ты представляешь, ее сын Андрей, оказывается, сейчас в Москве учится, в Первом меде. Вот молодец парень, а? Ровесник нашей Сашки.

– Ровесник? – переспросила Лидия Сергеевна. – Как это она так быстро обернулась? Когда мы поженились, у нее, кажется, еще и не было никого.

– А, значит, вспомнила Галку, – торжествующе проговорил отец. – Ну, слушай, я подробностей не знаю... Она вроде бы вскоре после окончания института за Новикова вышла, с параллельного потока. Он давно по ней вздыхал. Но не о том речь. Так вот, сын ее, Андрей, значит, на первом курсе сейчас. Она просит поспособствовать ему там, в дальнейшем – с кафедрой, с ординатурой. Надо бы присмотреться, что за парень. Давай на обед его к нам позовем, познакомимся, а там видно будет.

– Как скажешь, – кротко отозвалась мать, но по ее поджатым губам Саша поняла, что Лидии Сергеевне почему-то идея пригласить к ним Андрея, сына какой-то там Галки, крайне не понравилась.

Однако перечить отцу мать не решилась, и в ближайшее воскресенье Андрей появился у них дома.

И он был... удивительный.

Его лицо поначалу показалось Саше совершенно обычным, неприметным – пшеничные пряди спадают на лоб, нос некрупный, прямой, твердая линия рта. Особенным ростом или статью он тоже не отличался – лишь на пару сантиметров выше вечной «дылды» – Сашки.

Но стоило ему улыбнуться...

Эта улыбка, искренняя, обаятельная, как будто озаряла все лицо каким-то внутренним светом. И становилось вдруг видно, как красиво это обыкновенное лицо, какие синие теплые и лучистые глаза у этого человека. Улыбка подкупала, располагала к себе. И редко кто мог сдержаться и не разулыбаться Андрею в ответ. Саша же, однажды увидев эту улыбку, обращенную к ней, поняла, что пропала. Совсем пропала, со всеми потрохами. Что ей больно дышать и почему-то хочется плакать, и смеяться, а больше всего – подойти к этому почти незнакомому парню, уткнуться ему в плечо, почувствовать, как он улыбается вот так – ей в волосы, и как ей от этого становится тепло и спокойно.

Только вот...

Влюбленная Саша Воронцова, страшенькая отличница, на которую за семнадцать лет ее жизни ни разу не обратил внимания ни один парень, – это было унижительно, стыдно и жалко. И Саша намеренно выпрямилась во весь рост, скроила самую ледяную надменную мину, на которую только была способна, и заставила себя весь обед смотреть сквозь Андрея, сквозь эту удивительную улыбку, золотыми солнечными лучами пронизывавшую воздух в гостиной.

Он еще попытался заговорить с ней после обеда, что-то спросил про институт – нравится ли ей учиться или что-то в этом роде. И Саша ухитрилась выстроить довольно ядовитый ответ: ей, мол, очень нравится учиться, именно поэтому она не может тратить время, отведенное на домашние задания, на пустые беседы с какими-то провинциалами. Андрей вытаращил на нее свои бездонные небесно-синие глаза, отступил на шаг и примирительно вскинул ладони – вот как сегодня:

– Ладно, ладно... Я понял. Прости. Больше не побеспокою.

И он снова улыбнулся, кажется, приняв ее за чокнутую.

Господи, как же ей хотелось тогда удрать в свою комнату, спрятать голову в подушку и завывать от несоответствия собственных глупых фантазий суровой действительности!

С того дня Андрей как-то незаметно вошел в жизнь их семьи.

Отец, побеседовав с ним в кабинете, счел его парнем толковым и вскоре всерьез решил взять Новикова под крыло. Он звонил знакомым профессорам из меда, выбивая для Андрея должность на интересовавшей его кафедре, устраивал для него во время практики место в санатории, просматривал его курсовые работы и, если было нужно, давал советы. Мать стоически выносила постоянные рассказы отца об успехах Андрея и лишь изредка выдавала что-нибудь вроде:

– Удивительно, Алеша, я никогда не думала, что в тебе вдруг проснутся отцовские чувства по отношению к чужому мальчику. Мне казалось, ты успехи и неудачи своих собственных детей всегда воспринимал гораздо спокойнее.

– Лида, не мели чепухи! – обрывал отец. – Никто из моих, к сожалению, мое дело не продолжит, а Андрей – толковый парень, на него я могу рассчитывать в будущем.

– А Максюша? – ревниво спрашивала мать.

– Кто? Да ты посмотри на него! – рявкал отец. – Твой Максюша из двоек не вылезает, в прошлом месяце опять в детскую комнату милиции вызывали. Ты такого будущего желаешь нашей медицине? Я – нет!

– Вот и взялся бы за него, – моргала мать, – поговорил бы, посоветовал. Может, подсказал бы что-нибудь по-отцовски. Чем на этого время тратить...

– Ты – мать! Воспитывать – твое дело! – обрывал отец. – А со своими делами я сам разберусь.

Быть безответно влюбленной в Андрея Новикова оказалось тяжело. Выбросить его из головы не представлялось возможным. Он появлялся то там, то здесь, то в разговорах отца, то встречался Саше в санатории – он подрабатывал медбратом, – то заходил за чем-нибудь к ним домой. Он быстро избавился от своей забавной провинциальности и стал почти неотличим от коренного москвича, только говор, чуть более мягкий, певучий, еще иногда выдавал его.

Андрей пользовался успехом у девушек, и Саша знала это. Отец несколько раз упоминал в разговорах – «Андрей и его подруга». Да и сама Саша однажды встретила его на Арбате с какой-то лахудрой с малиновыми губами.

Арбат! Кто вообще туда гулять ходит?

Одни неформалы и гости столицы.

Все эти подруги Андрея, девицы, поклонницы наполняли Сашу изнутри черным, едким, словно в груди у нее что-то дымило, отчего щипало в горле и слезились глаза.

Ревность к несбывшемуся – к тому, чего никогда не будет.

Наступили девяностые, и у отца начались проблемы на работе. Какой-то новоявленный «хозяин жизни» присмотрел лакомый кусок земли: чистое место, река, сосны, и от центра Москвы недалеко, самое место для элитного загородного клуба! – сунул кому-то взятку, и отцовский санаторий собрались закрывать.

Алексей Михайлович тогда резко похудел, не спал, стал еще раздражительнее, чем обычно. Он обивал пороги в Минздраве, писал какие-то прошения, обращался даже в правительство.

Мать глотала корвалол и прижимала к глазам вышитый носовой платок:

– Алеша, тебя же убьют!

Время было такое, что убить и в самом деле могли. Нет человека – нет проблемы, и за санаторий никто не вступится.

Но Воронцов в очередной раз проявил железную волю и способность добиваться того, чего хочет.

Санаторий удалось отстоять.

К счастью, потенциального основателя загородного клуба вскоре объявили в международный розыск, и он вынужден был пуститься в бег. Через несколько лет его подстрелили, кажется, где-то в Греции. А санаторий оставили в покое – даже, наоборот, выделили крупную государственную дотацию.

Алексей Михайлович на радостях устроил в санатории праздник. Приглашены были музыканты, вечером ожидался фейерверк. Больные, из тех, кто способен был передвигаться самостоятельно, стекались в украшенный зал в административном корпусе. Ограниченных в подвижности младший медперсонал привозил на каталках. По всему парку развесили бумажные фонарики, гирлянды, композиции из живых цветов...

Перед самым началом представления отец вспомнил вдруг про старинную беседку. Никому и в голову не пришло заняться ее украшением, а Воронцов со своим перфекционизмом не мог допустить, чтобы хоть один уголок парка остался обойденным празднеством.

Рабочих в последнюю минуту было уже не найти, и Алексей Михайлович выловил в курсирующей по залу толпе Андрея.

– Не в службу, а в дружбу, пойдешь там, в беседке, хоть огоньки какие-нибудь повесишь! Осталась еще одна гирлянда невостребованная.

Андрей, с этой своей привычной, исполненной дружелюбия улыбкой, отозвался:

– Нет проблем, Алексей Михайлович, сделаем. Только мне бы помощника, чтоб подержать провод...

Отец быстро огляделся по сторонам и кивнул на Сашу, стоявшую чуть позади и угрюмо изучавшую носки собственных туфель.

Мать ради праздника настояла на том, чтобы она надела нарядное платье. «Отец столько вынес, а ты не удосужишься разделить с ним радость? Ты просто обязана пойти на торжество. И оденься хоть раз как человек!» Саша в этом идиотском белом атласе чувствовала себя крайне неудобно. Вырядили ее, как невесту! Как будто специально, чтобы подчеркнуть – вот она, наша неудачная старшая дочь, дылда и страхолюдина, полюбуйтесть!..

И еще Андрей, как назло, здесь, и она не может поднять на него глаза, потому что твердо уверена, что обязательно выдаст себя.

Отец кивнул на нее и сказал:

– Вот, Александру мою возьми к себе в помощницы. Она длинная, как раз дотянется.

Щеки у нее мучительно вспыхнули. Да что же это такое! Они как нарочно...

А Андрей взглянул на нее, улыбнулся так, что ноги у Саши подкосились, и попросил:

– Поможешь мне? Пожалуйста!

Конечно, она поможет. Разумеется!

Разве есть кому-то дело до ее жалких смешных постыдных чувств?..

Стоял май.

В санаторном парке повисли уже сиреневые сумерки, напоенные ароматом цветущей сирени. Огни фонарей размыто подрагивали в вечернем воздухе. Из главного здания долетали отдельные всплески музыки – там начал уже играть маленький джазовый оркестр.

Саша и Андрей добрались до беседки. Андрей легко вскочил на деревянную балюстраду и принялся, держа в зубах гвозди, работать молотком, укрепляя гирлянду лампочек. Саша, стоя внизу, держала в руках моток провода, осторожно разматывала его и протягивала Андрею освобожденный кусок. Иногда, перехватывая из ее рук гирлянду, он случайно касался пальцами ее ладони, и от этого нечаянного прикосновения в ее теле мгновенно выстреливал электрический разряд...

– Не могу дотянуться вот сюда, рук не хватает, – сказал Андрей через несколько минут работы.

Он как раз прилаживал последний гвоздь.

– Сможешь залезть, придержать провод? – попросил он. – И гвоздей еще, пожалуйста, подай – вон, из той коробки.

Саша сжала в ладони горсть маленьких обойных гвоздей, ухватила рукой за колонну и тоже влезла на балюстраду.

Чертово узкое белое платье стесняло движения. Зачем только она пошла на поводу у матери?! Все равно из зала ее отослали, а трудиться здесь было бы куда удобнее в обычных джинсах. К чему здесь этот нелепый наряд? Разве что произвести впечатление на Андрея...

Ха-ха, очень смешно.

Она шагнула ближе к Андрею, вскинула руку, придерживая провод там, где он ее просил. Неловко пошатнулась на перилах – проклятые туфли!

Андрей, быстро отреагировав, удержал ее от падения, обхватив горячей рукой за талию. Он оказался вдруг совсем близко. Зрачки в синих глазах расширились, почти затопив радужку – это оттого, что в парке почти темно, правда же, да? Пшеничные волосы коснулись Сашиного виска. Надо же, мягкие... А она почему-то была уверена, что они жесткие, как проволока. Тонкие губы приоткрылись, опалили ее влажным дыханием и вдруг прижались к ее губам...

Если бы Андрей не продолжал удерживать ее, она точно рухнула бы прямо в траву.

Произошедшее было так неожиданно, невысказанно, непостижимо. Больше не легкие электрические разряды – настоящая молния, разящая и беспощадная, прошла через все тело. Задрожали руки, ослабели колени. Сердце, казалось, сейчас выпрыгнет из горла прямо в его чуть обветренные, такие настойчивые и властные губы...

Жалкая старая дева! Впервые поцеловалась в двадцать один год – и немедленно сошла с ума.

Андрей прижимал ее к себе, не отпуская, не разрывая поцелуй. Перебирал легкими пальцами ее волосы, она чувствовала пробивавшуюся жесткую щетину на его подбородке. Его губы как будто расплавляли все ее предохранители, один за одним, разрушали тщательно выстроенную стену. Превращали ее в какое-то чужое, смятенное и дрожащее, неловкое, открытое и уязвимое существо...

«Нет ни одного шанса, что он в самом деле хочет всего этого со мной, – думала Саша, прижимаясь к Андрею, против воли отвечая на его поцелуй. – Ни единого... Встретаться, ходить на свидания, строить отношения. Со мной? Никогда. Смешно даже думать. Это просто... весна, приятный вечер, закат, музыка... Наверно, у него сейчас никого нет... Наверно, ему просто хочется с кем-то провести вечер... Пускай! Мне все равно – пускай! Даже если больше это никогда не повторится. Даже если завтра он обо мне и не вспомнит. Один раз – и все. Я согласна. Пусть только не размыкает рук!»

Она даже не заметила, как впились в плотно стиснутую ладонь мелкие обойные гвозди...

Только вечером, в своей комнате, через несколько часов после того, как Андрей все-таки разомкнул руки и посмотрел на нее как-то смущенно и неуверенно, а она, откашлявшись, пробормотала: «Пора идти. Отец ждет», рассмотрела на ладони множество мелких слегка кровотокающих царапин. И даже обрадовалась – это было неоспоримое доказательство того, что поцелуй действительно был, а не привиделся ей во сне.

Когда на следующий день Андрей встретил Сашу после занятий около первого гуманитарного корпуса МГУ, она задохнулась от неожиданности.

Конечно же, это ровным счетом ничего не значило.

Наверное, у него просто снова свободный вечер. И все-таки... Все-таки он стоял там, ждал ее, и солнце играло в его пшеничных волосах.

– Привет! – сказал он просто. – Ты не занята сегодня?

Саша чуть было не ответила что-то про подготовку к экзаменам. Но потом, прикусив язык, просто отрицательно помотала головой.

Они вышли к смотровой площадке.

Еще не запыленная свежая майская зелень рябила в глазах. Справа, на лыжном трамплине, трепетал на ветру укрепленный рекламный плакат.

Саша и Андрей остановились у парапета.

Гладкий мрамор перил холодила ладони. Внизу раскинулась Москва. Солнце пускало зайчики с крыши Лужников – теперь там по будням работал вещевой рынок. Тянулись вверх высотки.

– Сходим куда-нибудь? – предложил Андрей. – В кино? В кафе?

– Это же не свидание? – на всякий случай уточнила Саша.

Он чуть сдвинул брови в недоумении, а потом рассмеялся.

– Нет? О, ну, конечно, нет. Скажи мне, куда тебя обычно приглашают на свиданиях, чтобы я уж наверняка выбрал другое место.

«На каких еще свиданиях? – чуть было не ответила она. – Меня никто еще никогда никуда не приглашал».

Но смогла все же выговорить:

– В разные места. У меня нет каких-то особых предпочтений. Можно просто погулять.

В этот вечер Андрей снова поцеловал ее. В Нескучном саду, под деревом. Сашу снова колотила нешуточная дрожь. «Может быть, завтра у него опять будет свободный вечер? Может быть, если я не сделаю какую-нибудь глупость, он придет еще раз и сделает это снова?» – думала она.

Господи, она уже мечтала о повторении. Как глупо! Как унижительно!

Не хватало еще начать умолять!

Через две недели почти постоянных встреч, несвиданий и поцелуев стало ясно, что период незанятых вечеров у Андрея слегка затянулся. Наверно, все это вместе, а также абсолютно отключившаяся Сашина рациональность привели к тому, что оба они оказались однажды вечером в родительской квартире на Кутузовском проспекте.

В этой квартире, полученной отцом еще в советское время, почти никогда не жили. Алексей Михайлович иногда оставался здесь на ночь, если допоздна задерживался в Минздраве. Иногда родители ночевали здесь, если поздно вечером отправлялись в театр или в гости. У Саши, разумеется, были ключи – «если вдруг задержишься где-нибудь с подружками». На деле же она почти никогда не пользовалась этой возможностью, потому что мать, даже предупрежденная звонком, на следующий день все равно страдальчески поднимала брови и жаловалась, что всю ночь не сомкнула глаз, зная, что дочери нет дома.

– Неужели нельзя проявить немного понимания? – говорила она. – Если у тебя когда-нибудь будут дети...

«Если».

Ну, конечно!

В тот день неожиданно началась гроза.

Ни у нее, ни у Андрея не оказалось зонта. Занесло же их гулять по центру в такую погоду! Конечно, они насквозь вымокли, летели сломя голову, лавируя между машин, пробегая, кое-как заслонив головы руками, мимо помпезных сталинских зданий. А над головой грохотало, сверкало, и капли так и барабанили по макушкам и по спинам!

Тут-то Саша и вспомнила про ключи от квартиры, завалывшиеся в сумке, махнула Андрею: «За мной! Скорее!» – и понеслась сломя голову в один из дворов...

Они ворвались в квартиру, мокрые, тяжело дышащие.

Почему-то замерли в прихожей, глядя друг на друга. Тишина взрывалась в ушах тяжелыми ударами. А может, это с улицы доносились раскаты грома?

Андрей шагнул к ней, обхватил руками, опалил горячим дыханием. Его губы, чуть обветренные, горячие. Когда она успела привыкнуть к их прикосновениям? Уже не пугалась каждый раз, не замирала, превращаясь в каменное изваяние. Отвечала на поцелуи, прижималась крепче, пыталась даже скользнуть полуоткрытыми губами по линии его виска, щеки, подбородка, шеи.

Его руки...

Чуткие пальцы будущего хирурга. Что они такое творили, эти руки? Кто им разрешил так бесцеремонно пробираться под мокрую насквозь клетчатую рубашку, скользить по коже, гладить, нежно ласкать?

Они двинулись куда-то, не разжимая рук, не переставая соприкасаться губами, пальцами, телами. Под коленями оказалась кровать в родительской спальне, Саша потеряла равновесие и рухнула навзничь, увлекая Андрея за собой...

Потом она просто лежала, уткнувшись лицом в подушку, не смея поднять на него глаза.

Андрей вырисовывал кончиками пальцев какие-то замысловатые геометрические узоры на ее обнаженной спине.

– Так, значит, все эти бывшие, – нерешительно начал он, – которые водили тебя на свидания, в кино и в кафе...

– Их не было, – глухо сказала она.

Теперь ведь уже было все равно, да?

– Никого не было.

– Господи. Я идиот! – почему-то вдруг рассмеялся он.

Саша чуть повернула голову и смотрела на него из-под ресниц.

Какой он был красивый!

Не крупное, но сильное и жилистое тело. Тронутая бронзовым загаром кожа чуть поблескивала от пота на груди, на бедрах же оставалась молочно-белой.

– Ты казалась такой надменной, неприступной, – объяснил Андрей, качая головой. – Я четыре года боялся к тебе даже приблизиться. Почему-то уверен был, что у тебя наверняка есть парень. Какой-нибудь «папин сынок», из МГИМО или еще чего покруче. Думал, ты просто посмеешься надо мной: мол, на что это ты замахнулся, мальчик? В тот первый вечер, когда я поцеловал тебя, я потом чуть с ума не сошел. Решил, что ты нажалуешься отцу и он вышвырнет меня из санатория. А потом придет какой-нибудь лощеный хлыщ бить мне морду за то, что я посмел прикоснуться к его девушке. А ты даже разговаривать со мной не захочешь, будешь смотреть как на пустое место.

– Ты точно идиот, – улыбнулась Саша.

В груди творилось что-то странное. Сердце набухало, словно до краев наполненное горячей кровью, вот-вот готовое пролиться, выплеснуться насквозь.

– Ты мог бы меня спросить...

– Но мне это и в голову не приходило. Неужели ты с самого первого дня не понимала, что я влюбился в тебя, как последний болван?

Нет, она этого не понимала.

Она и сейчас боялась это осознать.

Получалось – они потеряли четыре года только потому, что не решались признаться друг другу.

Какая глупость!

И почему под сердцем так больно и трудно дышать?..

После того дождливого вечера Александра окончательно сошла с ума. Впервые в жизни она завалила экзамен – это на четвертом-то курсе! Отец рвал и метал:

– О чем ты только думаешь, моя дорогая? Ты не забыла, что собиралась после пятого курса в аспирантуру в США? Тебе всего год остался. Если ты не получишь диплом следующим летом, можешь забыть о Штатах...

Она уже забыла.

Забыла обо всем, кроме теплого дыхания Андрея, его сильных и таких нежных рук, его губ...

Саша оттаивала медленно, постепенно. Оказалось, что это невыносимо больно – когда из-под толщи льда вдруг медленно проступает живое, чувствующее, дышащее. Словно тончайшая плоть, чувствительная и ра-нимаемая...

Ей не сразу удалось поверить, что Андрей и в самом деле любит ее, что то, что есть между ними, – это всерьез, а не просто способ скоротать вечер. И, осознав это, она отчего-то испугалась. Ей так страшно было, что все закончится, сломается, а она, с этой обнаженной, оголенной душой, уже не сможет жить как раньше. И почему-то главным казалось, чтобы о том, что у них с Андреем происходит, не узнали родители. Она и сама не знала, почему так отчаянно скрывала свои отношения с Андреем. Ей казалось: едва только в дело вмешаются родители – все погибнет.

Андрей иногда со смехом спрашивал ее:

– Может, мы уже поступим как взрослые и признаемся во всем твоему отцу?

Но Саша отчаянно мотала головой – нет, ни за что!

Было и еще кое-что, невысказанное, – то, о чем она так и не смогла сказать Андрею.

Ее грядущее обучение в аспирантуре Чикагского университета.

Их факультет сотрудничал с этим университетом, и лучшие студенты могли получить право обучения в нем. Она подала заявку на этот курс еще два года назад, получив рекомендацию от научного руководителя. Отец, гордившийся ее успехами, уже оплатил первые два семестра обучения.

И вдруг...

Она ведь не знала, никак не могла предполагать, что с ней случится то, что случилось.

А теперь просто разрывалась на части!

Она не сказала Андрею об аспирантуре. Сначала – потому что не воспринимала их отношения всерьез, считала, что пара случайных встреч никак не повлияют на ее будущее. Потом – потому что не сказала вначале.

А теперь ей просто было страшно. Что Андрей не простит ей этой лжи, что решит – она с самого начала знала, что уедет, и их отношениям придет конец. Время отъезда приближалось, отец каждый день спрашивал ее, собрала ли она вещи, проверила ли все документы.

А Саша... Саша впервые в жизни просто закрывала глаза на то, что неизбежно должно случиться. «Все как-нибудь устроится, как-нибудь разрешится», – твердила она себе.

Может быть, ее остановят на границе, посадят с самолета...

Может быть, в конце концов, у нее достанет мужества объявить родителям, что она никуда не едет.

Так или иначе, это была еще одна причина держать их отношения с Андреем в секрете.

Хранить все в тайне им удавалось чуть больше года. И это был самый странный, самый необычный год за всю ее жизнь. Тогда она сказала бы – самый счастливый, позже – самый беспечный, легкомысленный.

Их с Андреем тянуло друг к другу, как примагнитенных. Едва оказавшись в одном помещении, они начинали испытывать эту силу взаимного притяжения, и окружающие в толк взять не могли, отчего так накалилась атмосфера: казалось, вот-вот – и сквозь комнату забьют сполохи молний! Им постоянно хотелось находиться рядом, разговаривать, смотреть, касаться друг друга...

И скрывать это, конечно, было мучительно.

Оставаясь равнодушными на людях, они выискивали любую возможность побыть наедине – и наброситься друг на друга, словно оголодавшие. В комнате общежития, где жил Андрей, когда удавалось сплавить куда-нибудь его соседа. В квартире на Кутузовском, договорившись заранее, что прогуляют в этот день свои занятия. У друзей, достаточно понимающих, чтобы поделиться жилплощадью, и – обязательное условие – не знакомых с родителями Саши. Они совсем сошли с ума, становились все более неосторожными. Было просто чудом, что за целый год их никто так и не застукал.

Но в конце концов это произошло.

Саша потом страшно корила себя: как она могла быть такой беспечной, выбросить из головы, что младший брат Макс теперь абитуриент медицинского института, а значит, ему так же даровано право оставаться иногда в квартире на Кутузовском – чтобы утром не опоздать на экзамен.

В тот вечер Макс открыл дверь своим ключом и застал их, полуодетых, раскрасневшихся, отскочивших друг от друга, как нашкодившие котята. Нахальный мальчишка смерил сестру и ее любовника насмешливым взглядом и протянул лениво:

– Вот оно что... А ты, Андрюха, я вижу, парень не промах. Это что же: страховка на случай, если папахен откажется брать тебя в санаторий интерном?

– Что ты несешь? – скривился Андрей. – Слушай, это все вообще не твое дело.

– Не мое, конечно, – лучезарно улыбнулся Макс. – Скорее, мамино и папино.

Саша знала, что Макс Андрея терпеть не мог. Ревновал, наверно, к тому, что отец столько внимания уделял чужому парню, считал, что тот ему дороже собственного сына. Еще и мать подливала масла в огонь. Надеяться, что Макс согласится не рассказывать родителям о том, что увидел, было нечего. И все же она попыталась:

– Максим, ты же понимаешь, папе совсем не нужно об этом знать. Держи язык за зубами, ладно?

– Ничего не могу гарантировать, – откровенно плумился Макс. – Доверие – очень важная вещь в семье. Я не могу так им пренебречь.

Она тогда просто сбежала из квартиры, утянув за собой Андрея.

Ясно было, что договориться с младшим братом не удастся. А значит – катастрофы не избежать.

У Саши внутри все сжималось от смутного тягостного предчувствия беды...

Андрей обнимал ее, осторожно целовал в висок, мягко увещевая, уговаривая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.